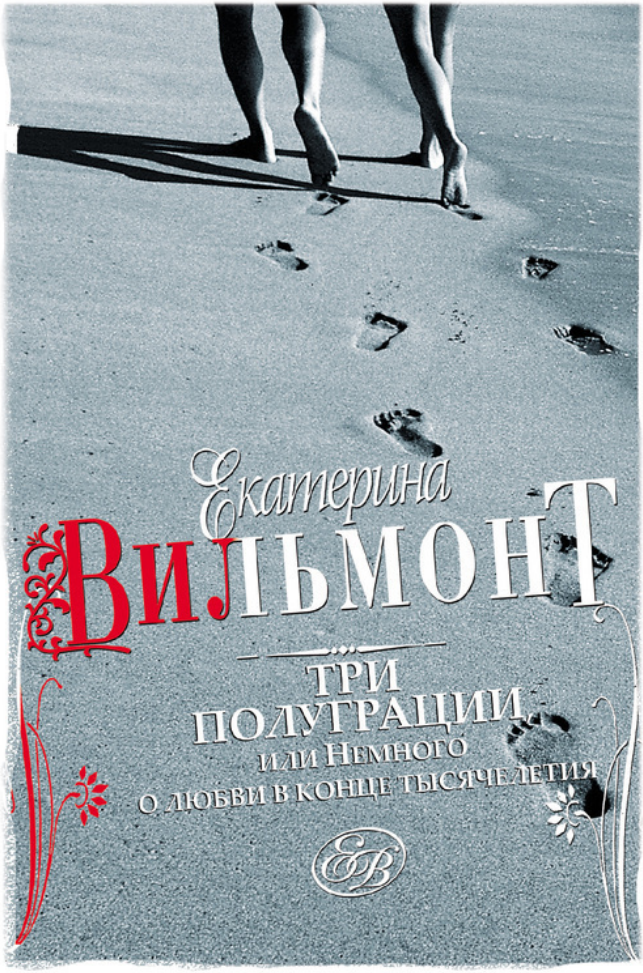

Заряжайтесь оптимизмом ■ Екатерины Вильмонт

Екатерина Николаевна Вильмонт

Три полуграции, или Немного о любви в конце тысячелетия

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120226
Три полуграции: АСТ, Астрель, Харвест; 2008
ISBN 978-5-17-039030-4, 978-5-271-14721-0, 978-985-16-4045-0, 978-5-271-23144-5

Аннотация

Героини романа – три подруги, и у всех троих, как назло, кризис в личной жизни. Поддерживая друг друга и стараясь не унывать, попадая порой в забавные, порой в загадочные ситуации, они стараются преодолеть черную полосу, и не без вмешательства «необъяснимых» сил находят каждая свое счастье.

Содержание

Екатерина Вильмонт 4
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Екатерина Вильмонт
Три полуграции

– Войдите!

В маленький тесный кабинет главного редактора стремительно вошла красивая рыжеволосая женщина. При виде незнакомки он улыбнулся приветливо, но даже не сделал попытки хоть чуть-чуть приподняться с кресла.

– Вы Олег Степанович?

– Я. С кем имею честь?

– Олег Степанович, будьте так добры, отпустите сегодня с работы Наталию Павловну Тропинину.

– А в чем дело? И кто вы такая?

– Ах да, я не представилась, но, согласитесь, когда мужчина сидит, а дама стоит, это как-то не располагает…

Главный редактор смутился. И вскочил.

– Простите, заработался. Садитесь, пожалуйста, – забормотал он. Черт ее знает, кто эта баба…

– Меня зовут Алиса Витольдовна Сухоцкая.

– Очень приятно. Дюжиков.

– Так вот, Олег Степанович…

– Я уже понял, вы хотите, чтобы я отпустил Тропинину. Что ж, я не возражаю, – неожиданно для самого себя пробормотал главный редактор. – Но только на сегодня.

– Разумеется. Я вам весьма признательна, – обворожительно улыбнулась Алиса. – Всего хорошего.

Женщина так же быстро покинула кабинет, оставив главного редактора в полном недоумении.

И почему я согласился, даже не спросил, по какому случаю… Черт, вот баба! Но хороша, просто зверски хороша… Представляю, как она командует мужем… Завтра спрошу у Натальи, кто она такая.

Но тут зазвонил телефон и мысли о рыжеволосой красавице вылетели у Дюжикова из головы.

Алиса буквально выволокла Тату на улицу и запихала в машину.

– Куда ты меня тащишь?

– В ресторан.

– Зачем?

– Зачем ходят в ресторан? Ты вообще что-нибудь ела в последние дни?

– Не помню… Только я в ресторан не могу…

– Почему это?

– Я в таком виде…

– Ничего, там полумрак, – усмехнулась Алиса. – Если уж ты в таком виде явилась на работу, то и в ресторан можешь, тем более днем.

– Алиска, а может, не стоит?

– Стоит, стоит. И потом я есть хочу, а дома у меня хоть шаром покати.

В ресторане было почти пусто. Их провели за столик, стоявший немного на отшибе, подали меню.

– Выбирай, Татка, тебе необходимо поесть.

– Не хочется.

– Мало ли что не хочется. Надо! Тебе сейчас силы нужны. У тебя, между прочим, дочь, а у дочери переходный возраст и распадаться на части ты просто не имеешь права. Подумаешь, большое дело, дорогой Илюшенька слинял…

– Ты не понимаешь… Я его люблю…

– Все я понимаю. Даже гораздо больше понимаю, чем ты думаешь. Но есть все равно надо.

И она заказала подошедшему официанту хороший обед.

– Выпить хочешь?

– Хочу! – неожиданно кивнула Тата. – Очень хочу! Но ты же за рулем.

– А я одну рюмку. Ну ладно, теперь рассказывай. Пока еще подадут…

– Он ушел… Подло, гнусно… И собаку забрал… Я вернулась с работы, а его нет. И еще, как назло, одна баба на работе в этот день сказала: счастливая ты, Татка, муж у тебя хороший, заботливый, летом ремонт сделал, когда ты в отпуске была… Ну я, дура, и вправду себя счастливой почувствовала… Прихожу домой, а Иришка вся в слезах. Лушка пропала. Как – пропала? Прибегаю, говорит, из школы, а ее нет, просто мистика какая-то. Я сперва решила, что Лушка спряталась. Стала ее по шкафам искать и вдруг смотрю – все

Илюшины вещи исчезли. До единой. Я похолодела… Пытаюсь записку найти… думаю, не мог же он просто так нас бросить, ничего не объяснив…

– Нашла?

– Нет. Но он вскоре позвонил: «Тата, я ушел, прости, деньги на Иришку буду регулярно посылать. Сейчас оставил тебе пятьсот баксов, на первое время». И положил трубку, даже не дал мне слова вставить… И Лушку увел… Знаешь, меня это больше всего оскорбило. Что ж, выходит, собака ему дороже дочки, да?

Алиса с молчаливым сочувствием глядела на подругу. Поступок Ильи ее не очень удивил.

– И потом, он же знает, как Иришка любит собаку… Сволочь!

– Согласна! Последняя сволочь. Но к кому он ушел, ты в курсе?

– Нет. Понимаешь, – совсем тихо проговорила Тата, – мне приятнее думать, что он просто ушел… а не к другой женщине… Ну, может, устал…

– Устал? От чего, интересно, он устал? Наверняка у него какая-нибудь бабенка.

– Помоложе.

– Необязательно!

– Он любит молоденьких.

– По-моему, он всяких любит, ему без разницы.

Официант принес закуски.

– Тата, поешь, – проникновенно сказала Алиса. – И давай хлопнем по рюмашке. За нас!

– Давай! – вздохнула Тата. – За нас с тобой и за Соньку, конечно.

– Ну разумеется. А помнишь, мы в юности отдыхали в Сочи и какой-то пожилой дядька сказал про нас: три полуграции!

– Да, действительно… Ты тогда еще здорово обиделась, ведь ты была такая тоненькая, а вот мы с Сонькой были очень даже в теле. Я и сейчас не худенькая, а от Соньки половина осталась.

– И отлично! Ей так гораздо лучше. Но все равно, мы и тогда на трех граций не тянули, а уж почти в сорок хорошо хоть полуграциями можем считаться, согласна? Так выпьем же за нас!

– Ох, что бы я без вас делала, Алиска!

– Нет, что бы мы все друг без дружки делали? За нас, Таточка!

Тата залпом осушила рюмку и сразу налила себе еще.

– Ты поешь сперва, а то окосеешь, – грустно улыбнулась Алиса.

– Да-да, я вдруг так проголодалась…

Когда они уже приступили к десерту, к ним подошла немолодая женщина в каком-то весьма причудливом одеянии. На плече у нее сидел довольно большой попугай, светло-серый, с ярко-красным хвостом. В клюве попугай держал

две бумажки.

– Какой красавец! – восхищенно проговорила Алиса.

– Милые дамы, узнайте свою судьбу! – таинственным голосом произнесла женщина. – Не пожалеете. Я предсказываю только хорошее. Вас ждет впереди много счастья, поверьте, иначе я бы к вам не подошла. Лека, золотко мое, отдай! – И она вырвала записки у попугая из клюва. – Прочтете, когда я уйду. – И она быстро удалилась.

– Странно, раньше тут никаких гадалок не было, – пожала плечами Алиса. – Они думают, что так привлекут клиентов? Что за фигня тут написана? – Она вскрыла записку и расхохоталась.

– Что у тебя? – заинтересовалась Тата, вертя в руках свою.

– Просто бред сивой кобылы. Интересно только, откуда она знает, что я Алиса? Ну-ка разверни скорее свою записку.

– Лучше ты… – Тата протянула бумажку подруге.

Та прочитала:

– «Найдет свое счастье Наташа с мужчиной по имени Паша».

– Паша?

– Паша, Паша. У тебя есть знакомые Паши?

– Алиска, а что у тебя?

– Да чушь. Вот. «Найдет свое счастье Алиса на пыльных дорогах Туниса». Но имя этого счастья почему-то не указано! Вероятно, что-то весьма экзотическое.

– Алиска, у меня плохо с географией. Тунис – это где?

– В Северной Африке. Но я туда не собираюсь.

– Кто знает… А вдруг?

– Это ты о Паше размечталась? Зря, подружка, глупости это все. Обыкновенная туфта.

– Дай мне твою записку, – протянула руку Тата.

– Возьми. Только зачем?

– А я сохраню. На всякий случай.

– Охота тебе всякую чепуху хранить? Странно только, откуда она наши имена узнала?

– Ты ведь здесь не первый раз? – спросила Тата.

– Но ты-то первый! И уж Наташей я тебя точно не называла. А Тата может быть и от Татьяны и даже от Тамары.

– Что ж, может, она и вправду ясновидящая?

– Поживем – увидим, – усмехнулась Алиса. Она была рада, что Татка наконец оживилась.

– Алиска, я со своими заморочками даже не поинтересовалась, как ты-то.

– Нормально. Правда, времени ни на что не остается. Кручусь целыми днями.

– Знаешь, вот ты приехала, и мне почему-то стало легче, просто удивительно…

– А Сонька?

– Сонька золотой человек, но так она не умеет.

– Умеет. Я же помню, как она меня выхаживала, когда с Эриком это случилось… Да и ты тоже…

– Нет, Сонька, она жалеет. А ты…

– Я тоже жалею.

– По-другому. Ты не просто жалеешь. Ты властная и хочешь, чтобы все сразу было по-твоему.

– Да? Может быть… А что это мы тут расфилософствовались? Нам надо многое решить.

– Что?

– Как жить дальше.

– Кому? Мне?

– Ну не мне же! Я буду жить как живу. А вот тебе необходимо начать совершенно новую жизнь.

– То есть? – испугалась Тата.

– Ну, ремонт у тебя в квартире сделан, – значит, тут ничего не обновишь. Тогда займемся тобой… Для начала нужно поменять имидж.

– Как?

– Элементарно, Ватсон! Первым делом постричься и, может быть, немного подкрасить волосы.

– Я не хочу стричься! Мне жалко…

– Совершенно не жалко! Со стрижкой ты будешь выглядеть лет на десять моложе. Погоди… – Алиса вытащила из сумочки сотовый телефон: – Алло, Тамара? Да, я. Тамарочка, у тебя сегодня все расписано? Нет? Очень удачно! Нет, это не мне, моей подруге. Ее необходимо подстричь. Договорились. Пока. Ну вот, начало положено. Через полтора часа она нас ждет.

– Алиса, это насилие! – со смехом воскликнула Тата.

– С тобой только так и можно! Силой!

– А если мне не понравится?

– Понравится, зуб даю!

– Алиса, что за выражения!

– Это наш завхоз всегда так говорит. Обычный блатной жаргон.

– Но тебе это как-то не…

– Не идет?

– Да нет, тебе, по-моему, все идет… Ой, Алиса, а сколько эта твоя парикмахерша стоит?

– Не бери в голову!

– Нет, я так не согласна!

– Могу я сделать тебе подарок? Могу. Имею полное право. Вот я и подарю тебе новый образ! Не хило, а?

– Ладно, дари новый образ, – сдалась Тата.

– И в этом новом образе ты встретишь своего Павла!

– Мужчину по имени Паша?

– Именно!

– Алиса, а что, если попросить эту тетку погадать на Соньку?

– Не смеши меня! Я и так знаю, что она нагадает. Найдет свое счастье Соня с мужчиной по имени Моня!

– Ну необязательно… – фыркнула Тата.

– Конечно, для разнообразия это может звучать так: найдет свое счастье Соня с каким-нибудь вором в законе!

– Спятила, да? – расхохоталась Тата.

– Найдет свое счастье Софа за чашечкой черного кофа!

– Алиска, прекрати!

– Найдет свое счастье Софья в объятьях мудилы Прокофья!

– Алиса, замолчи, умоляю! Если б мне кто-то сегодня утром сказал, что днем я буду ржать как ненормальная…

– Ты бы в рожу тому плюнула, я права?

…Все-таки Алиска – настоящее чудо, думала Тата, поднимаясь пешком на пятый этаж. Лифт опять не работал. И как у нее все получается? Интересно, Иришка дома? Наталия Павловна забыла взглянуть на окна. Но на площадке уже были слышны ужасающие звуки. Ясно, ребенок смотрит Муз-ТВ. Тата открыла дверь, и тут же в прихожую выскочила Иришка.

– Мам, ты где была? Я тебе звонила на работу… Ой, какая красотища! Мамулька, ты умница, тебе так идет! – верещала девочка, повиснув у матери на шее. – Мам, а ты что-нибудь ела?

– Ела, еще как ела. Меня Алиса потащила в ресторан. А ты?

– Я у Машки пообедала. Значит, это ты не сама постричься надумала, это все Алиса?

– Алиса.

– Круто. То-то я смотрю, стрижка у тебя классная.

– Тебе правда нравится? – спрашивала Наталия Павловна, глядя в зеркало.

– Я ж говорю – класс! Ты помолодела, мамулька! Молодчина! И вообще, у тебя совсем другой вид… Мам, мы ведь не пропадем, правда?

– Еще чего!

– Наконец-то! Я слышу нормальные речи. Подумаешь, не мы первые, не мы последние.

– Что?

– Ну я хочу сказать, не нас первых бросили…

– Ну тебя вообще никто не бросал. Это меня…

– Мама, не смей! И вообще, мы вот с Машкой разговаривали… Ее ведь тоже папашка кинул… ну так вот, мы с ней решили, что так даже лучше.

– Интересно.

– А что? Вот Машка считает, что им теперь куда лучше живется. Никто не напивается и вообще…

– Ну твой отец редко напивался.

– Неважно, все равно. Машка говорит, лишь бы бабки давал.

– Боже мой, – поморщилась Наталия Павловна.

– Мама, не строй из себя цацу! Сама знаешь, бабки в нашей жизни самое главное.

– Нет, не самое главное!

– Ладно, – махнула рукой Иришка, – пусть не самое главное, но все-таки это очень-очень важно.

– Бесспорно.

– Ну вот, а разве лучше было бы, если бы… если бы он

жил с нами и ходил на сторону, а? По-моему, лучше по-честному. Ушел, и все.

– Если бы по-честному! А он… Лушку украл…

Глаза Наталии Павловны наполнились слезами.

– Мам, признайся, ты по Лушке больше скучаешь, чем по нему, да?

– Не знаю… ничего не знаю. И вообще, он еще, может быть, вернется, может, он просто устал…

– Нет, не вернется, – покачала головой Иришка.

– Почему ты так уверена?

– Мам, пообещай, что не будешь плакать!

– Что? Что случилось?

– Нет, ничего не случилось. Просто ты пообещай…

– Хорошо… обещаю. В чем дело?

– Мам, он бабник.

– Бабник? Ну и что? Да будет тебе известно, бабники часто бывают отличными мужьями. Такой вот парадокс, – тяжело вздохнула Наталия Павловна.

– Но он… Он был плохой муж.

– Да? С чего ты взяла?

– Я знаю, – насупилась Иришка, поняв, что сболтнула лишнее.

– Ах, Ирка, плохой, хороший – какое это имеет значение? Я его люблю, – тихо проговорила Наталия Павловна.

– И совершенно зря!

– Но он же твой отец!

– Никудышный отец!

– Неправда! Он хороший отец, он тебя обожает.

– Оно и видно. Даже любимую собаку стибрил. Папочка!..

Наталия Павловна внимательно посмотрела на дочь. Действительно, в последнее время, еще до ухода Ильи, она замечала, что Ирка как-то странно ведет себя с отцом, словно знает о нем что-то компрометирующее, но, занятая работой и домашними делами, она думала, что дочь с отцом просто поссорились из-за чего-то.

– Ну-ка, Иришка, скажи мне, что ты имеешь в виду? Из-за чего я должна плакать? Ты о чем-то догадывалась раньше, да? Про его женщину? Ты в курсе, к кому он ушел?

– Нет, мамочка, нет, клянусь, этого я не знаю! Честное благородное слово! – горячо заверила мать Иришка.

– Но что-то ты все-таки знаешь?

– Кое-что, – потупилась девочка.

– Ну говори, не томи душу. Худшее все равно случилось уже…

Ира внимательно смотрела на мать. Ей было ужасно ее жалко. Сказать или нет? Скажу, решилась она через минуту, глядя в испуганные глаза. Пусть знает, может, ей легче будет.

– Мам, я один раз видела…

– Что? Что ты видела? – воскликнула Наталия Павловна.

– Еще летом… Помнишь, перед отпуском у нас гости были?

– Ну?

– Я была на балконе, и вдруг в комнату вошла Алиса…

– И что? – замирая от ужаса, спросила Наталия Павловна.

– А за ней он. И он к ней… полез. А она…

– Что?

– Она ему по роже съездила, – с торжеством проговорила Ириша. – И сказала: если ты, сучий потрох, еще подойдешь ко мне хотя бы на пушечный выстрел, я от тебя мокрого места не оставлю… Вот!

– Фу, напугала… Я уж подумала…

– Ты могла подумать, что Алиса тебя предаст? Она не такая!

– Конечно, не такая, но… На этом свете все бывает.

– Мама, да как ты можешь так об Алисе?

– Знаешь, говорят, пришла беда – отворяй ворота. Вот я и испугалась. А что твой папаша, выпив рюмочку-другую, пристает к дамам, для меня никакая не новость. Я только не ожидала, что… Что это так кончится…

И она вдруг расплакалась.

– Мама, мамуля, не надо, не надо плакать… Ну пожалуйста, перестань. Он не стоит твоих слез.

Наталия Павловна улыбнулась:

– Звучит как в кино. «Он не стоит твоих слез»… Да, наверное, не стоит… Но иногда так приятно поплакать, както легче становится. – И она дала волю слезам. – Не мешай, Иришка, вот выплачусь, и все… Обещаю.

Девочка на цыпочках вышла из комнаты. Ей тоже хоте-

лось разреветься, но должен же кто-то в семье быть сильным!

…Утром, проводив дочку в школу, Наталия Павловна замерла у зеркала в ванной. Тридцать девять лет – не шуточки уже. Но стрижка и вправду здорово молодит. А я еще ничего, вот только похудеть бы немного. Хотя как похудеешь с этой работой? Сидишь целыми днями, да к тому же вечно кто-то что-нибудь сладкое приносит, и авторы часто конфеты дарят, а я так люблю сладкое… Нет, надо себя ограничивать. Из трех полуграций я самая толстая. Но ничего, возьму себя в руки и с сегодняшнего дня сяду на диету. Всего-то и надо сбросить килограммов пять, не больше, совсем тощей я стать не хочу. Мое обаяние в некоторой полноте, мне всегда это говорили. «Ты такая уютная, Таточка», – восхищался когда-то Илюша. Но, видно, теперь его уют уже не устраивает… Сволочь, к Алиске приставал… Теперь я понимаю, почему она его недолюбливает. Конечно, ей за меня обидно. Надо же, даже по морде ему дала… Впрочем, ничего другого он и не заслуживает… «Ты такая уютная, Таточка». Да мне это многие повторяли! Нет, к черту, к черту, к черту! Похудею и действительно поменяю имидж. А там, может, и работу поменяю… На что, интересно знать. Уйду в другое издательство? А там что, чаи распивать не будут? Конфеты дарить перестанут? Нет. Значит, надо вырабатывать силу воли. Легко сказать… Но не ставить же на себе крест в тридцать девять лет? Ни за что! Муж ушел? Ну и черт с ним! Живет же Алиска уже десять лет совсем одна, и что? Вон она ка-

кая… Красивая, сильная, добрая и вовсе не несчастная. А я? Почему я должна обязательно быть несчастной из-за того, что прожила почти двадцать лет с таким? Я привыкла быть замужем. Мне одной будет плохо. Я не могу спать одна, мне как-то странно… Хотя одной, конечно, удобнее, можно раскинуться как угодно и вообще… Наверное, во всем можно найти хорошую сторону.

Ее глубокую задумчивость прервал телефонный звонок.

– Алло! Сонечка, привет!

– Татка, у тебя сегодня бодрый голос. До меня дошел слух, что ты постриглась. Надеюсь, не в монахини?

– Вот как раз размышляю над этим вопросом.

– Над каким?

– Как жить дальше? Монахиней или нет?

– Разумеется, нет! У тебя есть кто-то на примете? – деловито осведомилась Соня.

– Пока нет.

– Это потому что ты расслабилась от замужней жизни. А надо всегда быть в форме. Тебе не мешает похудеть.

– Я тоже так считаю.

– Кстати, имей в виду, Восьмого марта, как всегда, соберемся у нас.

– А Алиска?

– Естественно, придет.

– Отлично, я тоже буду. Только, Сонь…

– Что?

– Ты, надеюсь, не станешь приглашать для меня женихов?

– Нет, еще рано.

– То есть?

– Ты еще не годишься для сватовства, надо сперва обрести товарный вид, – засмеялась Соня. – Вот после праздника сядешь на диету. Согласна?

– Согласна, конечно, согласна. Сонька, а что будем готовить?

– Тоже еще рано. Ближе к делу решим. Ладно все, бегу на работу! Пока, Татка!

– Пока.

Да, с такими подругами не пропадешь, с нежностью подумала Наталия Павловна. Они дружили всю жизнь, с первого класса. И какие бы бури ни бушевали над каждой из них, они знали: в жизни есть надежная опора.

Придя в издательство, Наталия Павловна впервые за последние дни смогла наконец хоть что-то понять в тексте, который редактировала. Вот и хорошо, работа отвлекает, пришла в голову мысль, но тут в комнату вбежала молоденькая редакторша Вика:

– Наталия Павловна! Я хотела спросить… Ой, вы постриглись. Вам идет… просто класс!

– Вот моя дочка тоже так говорит, – улыбнулась Наталия Павловна. – А что ты хотела спросить?

– Да вот я Жихареву вычитываю…

– И что?

– У нее тут написано: «Он выглядел жалко, как нахлебник Достоевского. Но разве „Нахлебника“ Достоевский написал?

– Безусловно нет. Тургенев. И еще у Чехова есть «Нахлебники».

– Может, она что-то другое имела в виду?

– Да нет, думаю, просто забыла.

– А что же мне делать?

– Ничего, – пожала плечами Наталия Павловна.

– Но ведь это ошибка…

– Ошибка, конечно. Но это ее ошибка, а не издательская, верно?

– Ну да.

– Она желает печататься в авторской редакции? Так?

– Так.

– Ну вот, пусть печатается.

– Наталия Павловна, я так не могу. Я ей позвоню, а? Ну перепутал человек, с кем не бывает… Как вы считаете?

– Позвони, в конце концов, действительно, с кем не бывает. Это единственное, что тебя пока смутило?

– Вообще-то нет…

– Тогда ты уж собери все, что тебя смущает, чтобы не беспокоить мадам лишний раз. И будь предельно вежлива.

– Но я всегда вежлива…

– Это от неопытности, – улыбнулась Наталия Павловна.

– А что, опытные редакторы всегда невежливы?

– Бывает, – вздохнула Наталия Павловна. – Нервы, знаешь

ли, не всякого автора выдержат. Я вот сейчас рукопись редактирую, так мне этого автора хочется убить… «Там сидело десять человек людей». Разве тут до вежливости?

– Десять человек людей? – ахнула Вика.

– Именно.

– Наталия Павловна, а вы Жихареву не любите, да?

В этот момент дверь распахнулась и на пороге возник главный редактор:

– Приветствую! Что тут происходит?

– Ничего, – пожала плечами Наталия Павловна. – Вика пришла посоветоваться…

Но Вики уже и след простыл.

– Как жизнь, Наталья? – спросил главный редактор, усаживаясь у стола.

– Нормально, – ответила Наталия Павловна. Она не хотела всех вокруг посвящать в свою личную жизнь. Надеялась, что в суматохе дней, когда в издательстве работала налоговая инспекция, всем было не до нее.

– Слушай, Наталья, а кто эта баба?

– Какая баба?

– Да вот вчера приходила тебя отпрашивать…

Наталия Павловна поморщилась, фраза была не слишком грамотной. Но внутренне она рассмеялась. Проняла его Алиса!

– Это моя подруга детства. Понравилась?

– Да не в этом дело… Что она за командирша такая?

– Командирша – да.

– Пришла, увидела…

– И победила? – улыбнулась Наталия Павловна. У нее с Олегом Степановичем были вполне приятельские отношения.

– Ну да, можно сказать и так. Слушай, а кто она? Чем занимается? Или только мужем командует?

– Нет, Олег, она не замужем.

– Шутишь?

– Нисколько.

– А где работает?

– На телевидении.

– То-то я гляжу… Но я ее никогда вроде бы не видел…

– Ну так она же на экране не светится. Она директор департамента развития сети, вот так!

– Директор департамента? Как-то по-иностранному звучит…

– Ну да. Частный канал с иностранным капиталом – «Виктория-ТВ».

– Ага, знаю.

– А ты почему интересуешься, Олег?

– Да я и сам не понимаю… Просто запоминающаяся дама. Но стервозина еще та, сразу видно.

– Ну что ты! Алиса удивительный человек…

– Удивительный – может быть, но стервозина – это точно, – тяжело вздохнул главный редактор. – Да, Наталья, тут

у нас говорят, что…

– Что? – насторожилась Наталия Павловна.

– Ну что у тебя какие-то… неприятности дома… Это правда?

– Кто говорит?

– Да все…

– Черт, не скроешься. Но ты не волнуйся, на работе это не отразится, я уже оправилась.

Главный редактор внимательно на нее посмотрел.

– Действительно. Ты сегодня уже похожа на человека. Это твоя рыжая стервозина тебя в чувство привела?

– Представь себе.

– Понятно… Она что, феминистка?

– Ну феминисткой я бы ее не назвала, но…

– Но мужиков презирает, да?

– Есть немножко, – улыбнулась Наталия Павловна.

– Но она не лесбиянка?

– Боже упаси!

– Ясно. Ну ладно, трудись. А если нужна будет помощь, ты скажи. Чем сможем, поможем, ну в материальном смысле, конечно…

– Спасибо, Олег. Материальная помощь никогда не бывает лишней.

– Понял. Подумаем. Трудись!

С этими словами он вышел из комнаты.

Проняла его Алиска, засмеялась Наталия Павловна.

– Привет, Наталья! – воскликнула, появившись на пороге Рина, с которой они уже несколько лет работали в одной комнате. – О, да ты постриглась. Жалко. У тебя такие хорошие волосы были… Хотя стрижка тебя молодит. Волосы-то сохранила?

– Нет. Зачем?

– Зря. Пригодились бы. На парик или на продажу. Чудачка ты, Татка.

Наталия Павловна не успела ничего ответить, так как дверь вновь открылась и в кабинете возник довольно высокий мужчина:

– Можно?

– Илья? – ахнула Наталия Павловна.

– Приветствую, девушки! – нарочито веселым голосом поздоровался он. – Таточка, можно с тобой поговорить? – Он выразительно посмотрел на Рину.

Но та сделала вид, что не поняла намека.

– Тата, где тут можно поговорить? – стоял на своем Илья.

– Пойдем на лестницу, – обреченно произнесла Наталия Павловна.

– Татка, мне удалиться? – шепотом спросила Рина. – Только вам тут все равно не дадут покоя.

– Не стоит, мы сходим покурим…

С тяжело бьющимся сердцем она вышла в коридор. Илья шагал следом, теребя в руках меховую шапку.

К счастью, на лестнице никого не было. Они спустились

на полпролета.

– Я тебя слушаю, – обернулась к нему Наталия Павловна.

– Тата, я хочу сказать…

– Зачем ты сюда пришел? Почему не домой?

– Дома… Дома неудобно.

– А тут, по-твоему, удобно? Ты, наверное, боялся, что дома я закачу истерику, да? А на работе уж как-нибудь сдержусь, да?

– Ну, в общем…

– Хорошо, говори. – От волнения у нее вдруг пропал голос.

– Тата, поверь, я очень долго думал, прежде чем решился на этот шаг… Но я больше не мог. И вообще, все так сложилось… Одним словом, я предлагаю в наших общих интересах и в интересах нашей дочери…

В одной фразе два «в интересах», машинально отметила она. Впрочем, здесь это служит для усиления эффекта, значит, можно. Недаром же считается, что профессиональные навыки отмирают последними. Господи, что за чепуха лезет в голову…

– Извини, что ты сказал? – подняла она на него измученные глаза.

– Я говорю, что в интересах нашей дочери нам следует сохранить нормальные отношения, ты не согласна? В конце концов, ты ведь тоже еще можешь устроить свою жизнь, правда?

– А ты? Ты ее уже устроил?

– Ну в известном смысле… Тата, ты же разумная интеллигентная женщина… Ну так случилось, я встретил другую… Так бывает. Мы ведь с тобой в общем-то неплохо жили и…

– А зачем ты Лушку увел?

– Что? Ах, Лушку… Но ведь с ней просто некому будет гулять. Кто ее выводил, может быть, ты?

– Я ходила с ней…

– Раз в год по обещанию! И Иришка тоже только тетешкалась с ней, а гулял почти всегда я. Собаку просто необходимо выгуливать как минимум два часа в день.

– Ты пришел, чтобы рассказать мне, сколько положено гулять таксам?

– Тата, не надо истерик. Я пришел сообщить, что вовсе не намерен исчезать из вашей с Иришкой жизни. Я буду регулярно с ней видеться, буду давать деньги, и вообще… если вам что-то понадобится, обращайтесь ко мне без всякого стеснения. Я вас вовсе не бросил, я просто теперь буду жить отдельно. Давай так считать, и всем станет легче.

– Илюша, ответь, когда ты делал ремонт, ты уже знал, что уйдешь, да?

– Ремонт? Нет, нет, – покраснел он. – Нет, все вышло спонтанно. Я и не думал…

Врет. Определенно врет, решила Наталия Павловна.

– Послушай, а ведь ты не умеешь врать, хоть и адвокат… Если адвокат не умеет врать, значит, он плохой адвокат. Я

всегда считала, что ты профессионал. А теперь вот выяснилось… Это хорошо. Илюша, пожалуйста, разочаруй меня еще чем-нибудь.

– Знаешь, если бы ты была актрисой, я бы еще понял такие речи. Артисты же часто говорят словами из своих ролей. А ты, вероятно, выражаешься словами из какого-то идиотского романа… «Илюша, разочаруй меня еще чем-нибудь»! – злобно передразнил он ее.

– Пошел вон, – вдруг очень спокойно сказала она.

– Что?

– Пошел вон!

Она повернулась на каблуках и побежала вверх по лестнице.

– Тата, подожди!

Он догнал ее и схватил за рукав.

– Погоди, не надо сердиться! Мы еще не договорили.

– Я все поняла. Ты благородный, будешь давать деньги на дочку и по выходным встречаться с ней в каком-нибудь общественном месте. Что еще ты хочешь сообщить?

– Татка, ну зачем ты так? Ну мы же еще нестарые, можем начать новую жизнь, и потом, мы давно уже не любим друг друга. Так чего ради нам мучиться? Иришка уже большая, все понимает… Может, ты еще поблагодаришь меня когда-нибудь, что я разрубил этот гордиев узел…

Она застыла на месте. Давно уже не любим друг друга? Но я-то люблю его! А он, значит, давно… Только не смей

говорить, что ты его любишь, не смей! – приказала она себе. Ты потом пожалеешь…

– Да, наверное, ты прав, – медленно произнесла она. – Я давно уже тебя не люблю. Просто, знаешь ли, неприятно, когда тебя так бросают. Я хотела ради Иришки… Терпела ради нее…

Он изменился в лице. Слышать, что его давно не любят было все-таки неприятно.

– Ну вот видишь… Стоило посмотреть правде в глаза – и все сразу прояснилось. Предлагаю остаться друзьями. Так будет лучше для всех.

– Хорошо.

– Я знал, что ты умница. И очень рад, что мы объяснились начистоту. Скажи, у тебя кто-то есть, правда?

– А тебя это совершенно не касается! И давай-ка поскорее оформим развод, я не хочу с этим тянуть.

– Таточка, золото мое!

Он поцеловал ей руку.

– Ну все, у меня много работы. До свидания!

И она бегом кинулась вверх по лестнице.

Илья Андреевич облегченно вздохнул и пошел вниз. Интересно, если у нее кто-то есть… Давно ли? Или она соврала? Да нет, вряд ли. Видно, сначала взыграло уязвленное самолюбие, а потом сообразила, что ей тоже нужна свобода… Вон я даже еще не заикался о разводе, а она уже потребовала… Любопытно!

…Во время «высокого сезона» Софье Давыдовне Штальман после работы хотелось обычно только добраться до дома и уставиться в телевизор. Но сейчас, в феврале, клиентов почти не было, поэтому она вполне могла позволить себе уйти с работы пораньше и прошвырнуться, например, по магазинам. Надо бы заранее купить подарок маме к Восьмому марта. Сама Соня, как и ее подруги, не считала этот день достойным внимания, но мама всегда ждала подарков и поздравлений. И очень обижалась на тех, кто позволял себе забыть о том, что она женщина. И гостей мама всегда собирала. Что бы такое ей купить? У нее вообще-то все есть… Куплю-ка я ей новые духи. Она их обожает.

Магазин парфюмерии располагался неподалеку. Небольшой, но шикарный. На улице было темно и промозгло, а в магазине светло, красиво и очень хорошо пахло. Из покупателей была только молоденькая девушка, которая с растерянным видом нюхала пробные флаконы. Немолодая, но элегантная продавщица обратилась к Софье Давыдовне:

– Добрый день. Что бы вы хотели?

– «Пятая авеню» есть?

– Да, конечно. Вот, туалетная вода…

Соня поднесла пузырек к носу. Не мой запах, как я и думала.

– Не нравится? – спросила продавщица.

– Не нравится, – ответила Соня. – Но я возьму.

– Знаете, я, конечно, понимаю, это модные духи, но если

запах неприятен…

– Да нет, я не себе. Я маме. У нас очень разные вкусы, если этот аромат не по мне, значит, на нее обязательно произведет впечатление.

– А, ясно, – улыбнулась продавщица. – Берете?

– Беру, беру.

– Вот в подарок от фирмы вам еще косметичка.

– Спасибо, очень кстати…

В этот момент в магазин вошла пара, мужчина и женщина. Соня обомлела. Илья! Спутница его была совсем молоденькая, лет двадцати трех. Хорошенькая, но ничем не примечательная. Соня не хотела, чтобы Илья ее заметил, и, схватив покупку, шмыгнула к двери. А что это я удираю, как нашкодившая кошка? Нашкодил-то он… Ишь пришел духи покупать своей профурсетке. Соня взглянула на часы. Скоро шесть. Татка, скорее всего, уже ушла с работы. Надо к ней поехать, поддержать подругу. А про Илью я ей ничего говорить не стану. Да и что говорить? Что он к почти девчонке ушел? Нет. Промолчу.

Дверь Соне открыла Иришка.

– Давыдовна! Как здорово! – взвизгнула она, заключая ее в объятия. – А мамы еще нет. Вы договорились?

– Нет, я просто была неподалеку и решила заскочить.

– Чудненько, дивненько! Раздевайся!

– Дай тапки, Ирина… Ну как жизнь?

– Нормально, – пожала плечами девочка. – Ты ведь уже

все знаешь.

– Знаю, – вздохнула Соня.

– Только давай не будем об этом говорить, ладно?

– Ладно.

– Ты мне лучше расскажи про твое агентство. Как дела идут?

– Мертвый сезон. Можно считать, никак не идут.

– И ничего такого интересненького?

– Какого интересненького? – улыбнулась Соня.

– Ну раньше у тебя вечно что-то интересненькое случалось. То бандиты наедут, то партнеры кинут…

– Действительно, очень интересненько! – засмеялась Соня. – Хотя вот недавно одна кретинка подала на нас в суд.

– За что? – округлила глаза Ириша.

– Она собиралась в Испанию с сыном. Так ей визу дали, а ему нет. Она таки поехала, а когда вернулась, подала на нас в суд.

– Но вы же не виноваты, это посольство…

– Вот даже ты, ребенок, можно сказать, понимаешь, а она нет.

– И что будет?

– Да ничего. Объяснят ей в суде, что это решение посольства. Вот с ним пусть и судится.

– Не понимаю.

– Чего ты не понимаешь?

– Как можно быть такой дурой…

– Ты это обо мне?

– Да ты что, Давыдовна! Это я о той тетке. А ты у нас умная! Хотя не очень. У тебя в договоре написано, что за действия посольства ты ответственности не несешь?

Софья Давыдовна озадаченно уставилась на девочку.

– Не написано! Вот теперь и расхлебывай! Хотя, конечно, тебе ничего не будет, но впредь все-таки вставь в договор этот пункт – и тогда с тебя взятки гладки.

– Ну, Ирина, ты даешь! Вот что значит дочь юриста! – сказала Соня и тут же осеклась: – Ой, прости…

– Да ладно! Не волнуйся. Рыдать не буду. Между прочим, я знаю, к кому он слинял. К молоденькой. Только маме не говори, хорошо?

– Ирина, а ты откуда знаешь?

– Выследила. Мы с Машкой выследили. И узнали, кто она.

– И кто?

– Тоже юристка. Только в этом году юрфак окончила. Двадцать три года. Зовут Олеся. Олеся Луговая.

– Луговая? Похоже на псевдоним.

– Ну зачем ей псевдоним? Это фамилия такая.

– Как ты все это разузнала? – поразилась Софья Давыдовна.

– Секрет фирмы! – хихикнула Ириша. – Только, чур, маме ни слова.

– Но ведь рано или поздно она все равно узнает.

– Лучше поздно, чем рано. Пусть пока привыкает, что

его нет… Знаешь, как мне ее жалко! Она такая несчастная ходит. На ней просто написано: меня муж бросил. Хорошо хоть, Алиса заставила ее подстричься, но все равно… А я, Давыдовна, решила: ни за что замуж не выйду! Ни за что!

– Ну это мы еще поглядим.

– Нет, я серьезно. Зависеть от какого-нибудь козла? Чтобы он потом меня на Луговую сменял?.. Ну ничего, он эту Олесю тоже бросит, он такой… Еще потом приползет к маме, когда никому уже не нужен будет. А она, наверное, примет его, – вздохнула Ириша. – Она же у нас бесхребетная.

– Неправда! – вступилась за подругу Софья Давыдовна. – Она вовсе не бесхребетная, а добрая. И очень принципиальная.

– Только на работе. С авторами она воюет будь здоров!

Но тут в двери повернулся ключ, и Иришка прижала палец к губам.

– Мама, смотри, кто у нас!

– Сонька! Как я рада!

– Татуша, до чего тебе идет стрижка! – воскликнула Софья Давыдовна, поразившись тому, как плохо выглядит Тата. – А я вот была тут рядышком и решила зайти. Ужином покормите?

– Конечно! Идем на кухню!

– Мам, ты меня позови, когда готово будет!

Иришка удалилась в свою комнату, давая им возможность поговорить наедине. И Тата тут же рассказала о сегодняш-

нем визите Ильи.

– Ты правильно повела себя, Татуша, – одобрила Соня. – Пусть думает, что у тебя кто-то есть. А ему наверняка это было неприятно.

– Мне так показалось.

– Вот и отлично! Не все же тебе от него терпеть. – О встрече с Ильей в магазине парфюмерии Соня умолчала. – Знаешь, я тут пообщалась с Иришкой, она такая умница у тебя.

– Знаю, – кивнула Тата. – Опора и поддержка. Ладно, Сонька, хватит о моих делах, надоело. Что у тебя?

– Все то же. Работа, мама, Славик.

– Именно в такой последовательности? – улыбнулась Наталия Павловна. – Славик на последнем месте?

– Ну не на первом же… Я, Татка, кажется, от него устала.

– Неужели? Только сейчас? Мы с Алисой от него уже давно устали.

– Раньше я все-таки на что-то надеялась, а теперь…

– Сонька, ну скажи ты мне, почему мы все такие невезучие? В личной жизни, я имею в виду.

– Раньше я считала, что невезучие только мы с Алиской, а у тебя все хорошо. Муж, дочка… А теперь… Не знаю, что и сказать. Мужиков-то кругом вроде бы много, а на самом деле их просто нету. Я вот смотрю, – все-таки через нашу контору много людей проходит, – но что-то ни одного не видела, от которого бы хоть сердце забилось. Разве что по телевизору…

– А от кого в телевизоре у тебя сердце бьется? – полю-

бопытствовала Наталия Павловна, вываливая на сковородку замороженные грибы.

– От Чубайса, например. Вот он настоящий мужик.

– Чубайс? А что, в нем действительно что-то есть. Только где Чубайс, а где мы… А вообще ты про Чубайса помалкивай, а то и побить могут! Известно же – «во всем виноват Чубайс»! Ну а поближе никого нет?

– Даже и не пахнет.

– А кому же ты меня сватать собиралась?

– Ваньке.

– Кто такой? – без особого интереса спросила Наталия Павловна.

– Сосед. Хороший мужик, овдовел не так давно. Детей нет. Неглупый, красивый…

– А что ж ты сама им не займешься?

– У него мама. А две мамы на меня одну – это слишком. К тому же его мать, кажется, антисемитка.

– Спасибо тебе, подруга! – рассмеялась Тата.

– Но ты же русская.

– Ну и что? Все равно терпеть не могу антисемитов! И вообще, Сонька, ты сама, что ли, не знаешь, что все эти знакомства – чепуха, почти никогда ничего не выходит. И не надо. Буду учиться жить одна, как Алиска.

– Так Алиска зарабатывает будь здоров, а в твоем издательстве много не получишь.

– Это правда. Но Илья будет давать деньги.

– А квартиру разменивать он не предлагал?

– Нет.

– Тогда соглашайся на все, Татка. Может, и хорошо… А роман закрутишь с каким-нибудь автором. Мало ли их у вас толчется.

– Нет, с автором не получится, – вздохнула Наталия Павловна.

– Почему?

– Мы печатаем в основном таких авторов, что хочется просто убить или отправить на конюшню, чтобы их там выпороли. Есть у нас один, Виктор Тушилов… Не знаю, как я ему в волосенки не вцепилась.

– А в чем дело? – улыбнулась Софья Давыдовна, поудобнее устраиваясь на кухонной табуретке. Она обожала Таткины истории об авторах.

– Является сегодня вопросы снимать. Он их посмотрел дома и взъярился. «Что вы мне тут три раза подчеркнули?» Я говорю: «У вас написано „Диплом, обрамленный в рамку“. – „Ну и что?“ – „По-вашему, „обрамленный в рамку“ – это хорошо? Почему не сказать просто „диплом в рамке“? Дешево и сердито“. – „Вот именно, что дешево! – фыркает этот стилист. – Но, если вы настаиваете, я, так и быть, это уберу. А тут вас что смущает?“ – Я говорю: „У вас написано, что герою заплатили гонорар в рейхсмарках“. – „Ну и что?“ – „Но у вас же дело происходит в наши дни“. Он смотрит на меня как баран на новые ворота. „Сейчас, – объясняю, – нет

рейхсмарок – хотя бы потому, что нет и самого рейха". – „Но деньги же так называются!" – „Нет, отвечаю, они называются просто „марки" или, на худой конец, „дойчмарки". – „Вы уверены?" – „Уверена!" – „Вероятно, я что-то спутал. Но надо еще уточнить". – «Уточняйте!" А при этом морда у него наглая, и смотрит он на меня как на какую-то вошь, которая его, гениального, посмела укусить.

Вероятно, Тата могла бы долго еще продолжать о господине Тушилове, но тут на кухню явилась Иришка:

– Ой, как вкусно пахнет! Грибочки! Класс! Мам, ты опять про своих усосков?

– Про кого? – не расслышала Софья Давыдовна.

– Она моих авторов усосками зовет, – засмеялась Наталия Павловна.

– Ну, судя по твоим рассказам, она недалека от истины, – заметила Софья Давыдовна, хватая со стола соленый огурчик. – Ужас, как жрать охота.

– Сейчас, сейчас, сметанки добавлю…

– Ну, Ирина, что у тебя в школе? Как успехи? – обратилась к девочке Софья Давыдовна.

– Тоска смертная, – пожала плечами та, – жду не дождусь каникул.

– А на каникулах что?

– Да так… есть кое-какие идеи, – смутилась вдруг Ириша. И поспешила переменить тему: – Давыдовна, а как моя любименькая тетя Берта?

– Вот придешь к нам Восьмого марта, увидишь свою любименькую.

– А что такое будет Восьмого марта?

– Женский день, забыла?

– Да, вылетело из головы, что вы всегда в этот день тусуетесь.

– Придешь?

– Ну я еще не знаю…

– Хватит болтать, Ирина, руки помыла? Тогда садись! – распорядилась Наталия Павловна. Она была рада, что неожиданно явилась Соня и теперь не придется коротать вечер вдвоем с дочерью, которая явно изнывала от жалости к ней.

Поев, Ириша спросила:

– Мам, можно я к Машке пойду, а?

– Можно. Только не очень засиживайся.

– Ладно!

И она убежала.

– Сонька, какая ты умница, что пришла… А то Иришка из-за меня торчит вечерами дома как приклеенная. А ей это скучно.

– Я не пойму, она вроде даже не очень расстроена?

– Расстроена, еще как расстроена, но ей ведь всего пятнадцать. Не лить же слезы с утра до вечера, правда?

– А в тридцать девять надо лить? – ласково усмехнулась Соня.

– Но оснований-то больше… Знаешь, мне Ирка рассказывала, что видела летом, как Илья к Алиске приставал и получил от нее по морде. А к тебе случайно не подкатывался?

– Подкатывался. Сколько раз, – со вздохом призналась Соня. – Но и тут обломался… Не повезло ему с подругами жены.

– Кошмар! А я-то думала…

– Ничего ты не думала! Да и он ничего не думал, а цеплялся просто по пьяни. Ох, как же мне все надоело! – вдруг проговорила Соня.

– Что тебе надоело? – испуганно спросила Тата.

– Все, Татка. Я влюбиться хочу! Хочу замуж! Ребенка хочу!

– Сонька, но как же… Ты ведь всегда говорила…

– Мало ли что я говорила! Я, Татка, плакаться не люблю, вот и выдумываю себе… И не верь ты никому, все бабы одного хотят.

– Сонечка, но ведь поздно уже.

– Что – поздно?

– Рожать.

– А мне плевать. Почему поздно? Я еще могу… наверное.

– А есть от кого? Не от Славика же… – деловито осведомилась Тата.

– Ну производителя найти можно.

– Сонька, но тогда надо спешить.

– Поспешишь – людей насмешишь. И потом ты можешь

себе представить, что будет с мамой?

– Да ничего с ней не сделается! Обрадуется! Будет обожать внука или внучку! Сонечка, милая, что ж ты столько лет потеряла, а? Неужели из-за мамы? Или Славика своего ждала?

– Да я не знаю. Все казалось успею, то одно было, то другое, а вот не успела… Ну и из-за мамы тоже… Она ведь у меня такая… Властная. Все хочет, чтобы по ее было.

– Сонь, не выдумывай, я сколько помню, она всегда твердила: хочу Сонечку замуж выдать.

– Да уж… – горько усмехнулась Соня. – Только вот все мои романы рушила, как бульдозер. Ты вспомни… Все ей не так было. Один плохо воспитан, другой недостаточно красив, третий слишком красив и так лет до тридцати. А когда уж я опомнилась и стала от нее все скрывать, время было потеряно. Потом Славик появился, все что-то обещал, а там уж и времена такие настали – не до любви, не до детей… Сейчас вроде бы чего-то добилась… Работа хорошая… Но все равно страшновато. Знаешь, меня тут Надюшка моя в гости позвала, помнишь Надюшку?

– Это с твоей прежней работы?

– Ну да. Она ж молоденькая еще, двадцать восемь лет, а у нее уже трое детей, можешь себе представить? Живут, конечно, трудно, но я, Татка, позавидовала… Такие детишки чудные, и муж хороший, вот я и подумала: неужели я так и помру, ни разу даже замужем не побывав? А уж про детей и

говорить нечего… Да ерунда это все… Какие дети в сорок лет да без мужа…

– Муж не главное, ребенок гораздо важнее. – Тата с горячим сочувствием смотрела на подругу. Собственное горе показалось не таким уж и горьким. Ведь у нее есть Иришка. – Соня, а этот… производитель-то у тебя есть хоть на примете?

– Да нет у меня никого, даже на примете… И вообще, не бери в голову. Просто нашло на меня… Только прошу, не рассказывай Алиске, ладно? А то она дразниться будет. – Соня как-то по-детски шмыгнула носом. И улыбнулась: – Все. Закрываем тему.

И что это я вдруг рассиропилась? – подумала она. А может, и хорошо, по крайней мере Татка отвлеклась…

Они еще долго сидели на кухне, болтая обо всем и ни о чем. Потом вернулась Иришка, и Соня засобиралась домой.

– Давыдовна, ночуй у нас! Там погода – жуть! Мокро, скользко, просто мрак.

– Правда, Соня, оставайся!

– Нет, девочки, мне от вас на работу далеко, и мама волноваться будет.

– Так позвони, в чем проблема?

– Да нет, я уж как-нибудь доберусь. Машину поймаю.

– Зачем тебе это нужно?

– Просто люблю спать в своей постели, вот и все.

– Давыдовна, это старость! – поставила диагноз Иришка.

Женщины расхохотались, но как-то невесело.

– Да, детка, это типичные старческие причуды, – кивнула Соня, натягивая ботинки.

– Была бы сейчас Лушка, я бы тебя с ней проводила, – печально проговорила Тата.

– Дойду. Кому нужна такая старая кошелка.

Соня вышла на улицу. Черт побери, погода и вправду кошмарная, скорее бы весна, «высокий сезон», тогда уж не до глупостей будет, только успевай поворачиваться. Она ступила на проезжую часть и вскрикнула. Густая снежная каша залилась через край невысоких модных ботиночек. Она решительно подняла руку. Теперь уж не до экономии. Но машины проносились мимо, обдавая ее фонтанами брызг. Хорошо, что сообразила надеть кожаное пальто, обреченно подумала она, продолжая тянуть уже окоченевшую руку. Ну остановись же, остановись! Но автомобили мчались прочь. Вернуться, что ли? Но тут вдруг одна машина мигнула подфарниками и подкатила к ней. Старенькие «жигули».

– На Красноармейскую!

– Сколько?

– Полтинник!

– Шестьдесят!

– Ладно!

Соня села рядом с водителем, хотя мама сто раз ей внушала, что садиться надо сзади, так безопаснее. Однако сейчас ей хотелось только согреться.

– Ну и погодка! – проворчала она.

– У меня печка так шпарит, вмиг согреетесь.

Соня искоса посмотрела на мужчину за рулем. Очки на носу, а больше в темноте и не разглядишь. Голос приятный, интеллигентный. Но вступать в беседу она не собиралась.

– А на Красноармейской в какое место? – поинтересовался водитель.

Соня открыла глаза и назвала номер дома.

– Все там же живешь или к маме в гости едешь? – спросил вдруг он.

Соня непонимающе на него уставилась. Ослышалась она, что ли?

– Не узнаёшь?

– Нет… Ой, господи, Левка! Это ты?

– Я! Ну наконец-то! А я тебя сразу узнал. Ты совсем почти не изменилась.

– Ой, Левка, я так рада… Погоди, остановись на минутку, дай я на тебя погляжу!

– Нет, останавливаться не буду, а то простудишься еще. Изучай пока мой дивный профиль!

Но тут он встал на красный свет и повернулся к ней лицом:

– Сонька, давай поцелуемся! На радостях можно!

Они расцеловались.

– Левушка, сколько ж мы не виделись?

– Лет пятнадцать, наверное?

– Ничего себе! Как ты? Где ты?

– Да все там же.

– В МВТУ?

– Ну да. Только теперь это называется МГТУ. И вот видишь, подрабатываю извозом. Иначе не прожить.

– Понятно. А как вообще? Женат?

– В разводе. А ты?

– Семейное положение – не замужем!

– Не может быть! Почему?

– Желающих не нашлось.

– Ладно врать-то своим ребятам! Слушай, Соня, а как твои девчонки? Тата? Алиса? Вы еще дружите?

– А как же! Вот сейчас как раз от Татки еду.

– Надо же… А ты по-прежнему химичишь?

– Нет, Лева, я теперь совсем в другой области работаю.

– С химией покончила?

– Давно уже.

– И что теперь у нас в предмете?

– Туризм. Работаю в турагентстве.

– И кем?

– Исполнительным директором.

– Мать честная! Ты, значит, госпожа директор? И много у тебя подчиненных?

– Пять человек. Негусто, да? Так что я тот еще директор. Но зато я столько уже повидала… Знаешь, я больше всего на свете люблю ездить.

– Здорово. А я вот ни разу еще за границей не был.

– У тебя что, допуск?

– Какой там допуск! Просто инерция, наверное. Да и денег, честно говоря, нет. Зато дочка живет в Америке, вот так вот… Ты только не подумай, что я жалуюсь! Нет-нет! Просто встретил тебя, и что-то разбередилось… А вообще все не так уж скверно. Слушай, Соня, а давай я твой телефончик запишу… Или он у тебя не изменился, а?

– Нет, не изменился. Но ты… Ты лучше звони мне на работу. Вот тебе моя визитка…

– А что у тебя дома-то? Ты ж не замужем.

– Мама!

– Понял! – засмеялся Лева.

Соня вдруг покраснела. Почему она решила скрыть от мамы Левку? Да просто не хочется лишних разговоров. «Зачем тебе этот босяк?» – непременно скажет мама. А от Левкиного голоса у Сони стало тепло на душе. И не хотелось ни с кем этим теплом делиться.

Когда они подъехали к дому, Соня замялась. Но потом решительно вытащила кошелек.

– Не вздумай! – предупредил Лева.

– Но ты же этим живешь!

– Не волнуйся, я заработаю! И не верещи, я с тебя все равно не возьму!

– Ну как хочешь… Тогда знаешь что? У меня возле работы есть симпатичное кафе. Я приглашаю тебя туда. Поужи-

наем как-нибудь.

– Нет, я за счет женщин по кабакам не хожу. И не чувствуй себя обязанной, очень тебя прошу. Я тебе непременно позвоню, и мы что-нибудь придумаем. Все.

– Договорились. Спасибо, Левка!

– На здоровье.

Соня чмокнула его в щеку и выскочила из машины.

Едва она взбежала на свой второй этаж, как дверь квартиры распахнулась.

– Ну наконец-то! Сколько можно таскаться!

– Мама!

– Ты посмотри, на кого ты похожа! Пальто все в грязи!

– Подумаешь! Оно же кожаное, отмоется!

– Оно-то отмоется! А вот ты…

– А что – я? Я тоже отмоюсь!

– Не надо все понимать так буквально! Не все можно отмыть в ванной! Опять звонил твой мерзавец!

– Мамочка, тебе не надоело? – добродушно проворчала Соня, стаскивая ботинки.

– Мне не может надоесть называть мерзавца мерзавцем! Не может!

– Хорошо, пусть. Ну и что он сказал?

– Он ничего не говорил, он просто бросил трубку, когда услышал мой голос.

– А может, это не он?

– Он, он! Знаю я его манеру! Он, если тебя нет, звонит

регулярно каждый час и швыряет трубку! Но я ему все выложила, что о нем думаю!

– Придется, наверное, купить сотовый телефон.

– Еще не хватало тратить деньги на этого мерзавца! Совсем дура. Ну как там Тата? – без всякого перехода спросила вдруг Берта Яковлевна.

– Жива.

– Господи, ну почему все нынешние мужчины такие мерзавцы?

– А раньше они не были мерзавцами? – улыбнулась Соня.

– Были. Но не все. А теперь все. Твой папа, например, мерзавцем не был. Но он так рано умер… Впрочем, может, поживи он еще, тоже стал бы мерзавцем.

– Мама!

– Что – мама? Что – мама? Просто я знаю жизнь. В отличие от тебя! Кто тебя привез?

– Левак!

– Левак? И ты опять села вперед? Ну разве ты не идиотка? Сколько раз я тебе говорила!

– Мама, это был… Таткин сосед, который подрабатывает извозом. Так что мне нечего было бояться.

– Все равно дура! Ты можешь себе представить, сегодня на Митковой был такой уродливый костюм! У нее в нем плечики такие узюсенькие, фу! Есть хочешь?

– Нет, мама, не хочу! Татка меня накормила.

– Значит, она и сама поела? Это хорошо… А то она в по-

следнее время располнела, наверное, думает, что Илья из-за этого ушел, и теперь, чего доброго, решит морить себя голодом. А сейчас ей нельзя этого делать. Ей нужны силы. Да, еще Алиса звонила. Я сказала, что ты у Татки. Она туда не звонила?

– Нет.

– Хорошая девочка. Молодец, но тоже дура. Хоть и с принципами. Даже еще дурее тебя. Ты по крайней мере с этим мерзавцем иногда спишь, а у нее давно никого нет.

Соня с любовью смотрела на мать.

– Что ты на меня таращишься? Я хоть и стоматолог, но все-таки врач, и знаю, что женщинам, к сожалению, нужны эти мерзавцы… Ладно, я иду спать! Мне завтра рано на работу.

Отделалась малой кровью, подумала Соня. Почему-то от встречи с Левой у нее исправилось настроение. Хотя радоваться, собственно, нечему. Одинокий, безденежный мужик с дочкой в Америке, к тому же он никогда ей не нравился. И вряд ли понравится сейчас. И вовсе не в деньгах дело. Просто он так явно по этому поводу комплексует. Кстати, вполне возможно, он и не позвонит ей. Ну и пусть. А все равно приятно было встретить кого-то из той жизни, студенческой…

Лева Серафимович был старшим братом ее однокурсницы Леночки, удивительно милой и умной, которая в двадцать два года умерла от прозеванного врачами воспаления легких. Левка прибился к их компании, когда они учились

на втором курсе химфака МГУ. После смерти Леночки он некоторое время еще по инерции звонил иногда, а потом совсем пропал. И вот эта встреча… Что-то подсказывало Соне, что она будет иметь продолжение. Хотя зачем ей еще один комплексующий из-за потери статуса мужик? Хватит с нее и Славика. Но тем не менее в душе появилась какая-то теплая точка. Пока только точка – это не страшно. И Соня спокойно уснула.

На следующий день она ждала звонка. Но Лева не объявился, а через неделю она уже перестала ждать. Это не было большим разочарованием, нет, просто еще одной крохотной зарубкой на сердце стало больше. Подумаешь, велика важность!

– Алиса Витольдовна, прошу вас, задержитесь немного! – сказал директор телекомпании, когда закончилась очередная планерка.

– Слушаю вас, Юрий Юрьевич.

– Алиса Витольдовна, голубушка, что это с вами? Создается впечатление, что вы буквально не выносите Воронина.

– Не выношу! – кивнула Алиса. – И, собственно, даже не намерена это скрывать.

– Простите меня, это что-то личное?

– Личное? – взвилась Алиса. – Боже меня сохрани! Я просто не могу видеть этого бездельника! Он же только симулирует деятельность! Я не хотела этого говорить, но вы сами спросили… – Алиса нервно сжимала и разжимала пальцы

сплетенных рук.

– Да, спросил, потому что мне не хочется дрязг и скандалов. Я, безусловно, знаю, что Валентин Иванович не самый усердный труженик, но… Понимаете, когда иной раз бывает нужно… как говорится, для представительства… он весьма полезен.

– Юрий Юрьевич, в моем департаменте не так много народу, чтобы я могла держать человека с чисто декоративными функциями. Он получает зарплату вдвое большую, чем Люся, а делает в пять раз меньше, чем она, и к тому же еще старается как-то ей напакостить, возложить на нее ответственность за свои промахи и все в таком роде. Знаете, мне очень неприятен этот разговор.

– Признаюсь, мне тоже. И я хочу спросить вас напрямик: вы требуете, чтобы я уволил его?

– Юрий Юрьевич, помилуйте, я ничего не требовала, я молчала.

Юрий Юрьевич рассмеялся:

– Вы молчите так выразительно, что от вас буквально искры сыплются. Алиса Витольдовна, голубушка, потерпите еще немножко, а? Это моя личная просьба. Мне не хотелось бы его увольнять. Сейчас трудное время, у него все-таки семья… Но обещаю вам, через два месяца я вас от него избавлю.

– А что будет через два месяца?

– Через два месяца он отсюда уйдет. Слово дzжентльмена!

Алиса не отвечала.

– Ну, Алиса Витольдовна, пожалуйста!

– Хорошо, Юрий Юрьевич. Но через два месяца мы вернемся к этому разговору.

– Непременно! – обрадовался директор. – И я даже больше вам скажу, но это уж абсолютно между нами: можете пока подыскивать человека на его место, – таинственным шепотом добавил он.

– Мне и подыскивать не надо, – пожала плечами Алиса. – Его место займет Люся, а на Люсину должность я кого-то обязательно найду.

– Вот и отлично! А пока уж наберитесь терпения, ладно?

– Договорились. Я могу идти?

– Конечно, конечно! Спасибо вам.

До чего же хороший мужик, отметила про себя Алиса, выходя из кабинета. Только слишком мягкий. И это может ему боком выйти.

А директор подумал: какая обворожительная женщина, а главное – бесценный работник, хотя нет, главное – обворожительная женщина. И почему она одна? Просто ерунда какая-то…

Алиса вернулась к себе и залпом выпила стакан ледяной минералки. Ничего, два месяца я потерплю. Она взглянула на календарь. Сегодня двадцать первое февраля – значит, после двадцать первого апреля есть надежда избавиться от этого прыща. И она красной ручкой поставила в календаре

галочку.

– Алиса Витольдовна, звонят из Кагалыма! – сообщила секретарша.

– Слушаю! Алло! Вы меня слышите? Екатерина Дмитриевна, добрый день!

У Алисы была феноменальная память. Она помнила имена и отчества всех директоров бесчисленных провинциальных телекомпаний, с которыми имела дело.

В кабинет заглянула Люся:

– Можно?

Алиса жестом указала ей на стул. Когда разговор о тюнерах был окончен, она спросила:

– Что у тебя, Люсик?

– Алиса Витольдовна, мне очень неудобно, – смущенно начала Люся, – но…

– Да говори же!

– Вы не могли бы одолжить мне…

– Сколько? – деловито осведомилась Алиса.

– Сто пятьдесят баксов. На месяц.

– Нормально, – улыбнулась Алиса. – Только у меня с собой нет. Завтра, ладно?

– Ну конечно, спасибо вам большое, – обрадовалась Люся. – Да, Алиса Витольдовна, меня Батицкий о вас расспрашивал.

– Батицкий? И что же его интересовало? – насмешливо подняла брови Алиса.

– Ну вообще-то его интересовали разные вещи, в основном личные…

– Личные вещи? – развеселилась Алиса.

– Нет, я просто неловко выразилась. Его волновала ваша личная жизнь.

– С чего бы это?

– Думаю, он на вас запал.

– И что ты ему сообщила о моей личной жизни?

– Ничего! Что вы, Алиса Витольдовна, как я могу… К тому же, если честно, я сама почти ничего об этом не знаю.

– Вот и хорошо, тем более что знать-то особенно нечего.

– Алиса Витольдовна, может, обратили бы внимание на него, а? – заговорщическим шепотом произнесла Люся. – Такой интересный мужчина.

Евгений Викторович Батицкий, директор телекомпании с Урала, был в самом деле довольно импозантен.

– Ты находишь? А по-моему, он… фуфло.

– Фуфло? Почему?

– Да пыжится, изображает из себя наикрутейшего босса, а сам… Нет, Люсик, мои отношения с Батицким никогда не выйдут за рамки служебных, так ему и передай. А не для передачи – пошел он на хер! Поняла?

– Вполне! – засмеялась Люся. – Ну я побегу, у меня еще столько дел…

Алиса хотела ее обрадовать открывшимися сегодня перспективами, но решила этого не делать. А вдруг ничего не

получится? Воронин человек очень хитрый и в чем-то чуткий, как локатор, к тому же умеет использовать себе во благо доброту Юрия Юрьевича. Ну ничего, я от тебя, окаянный бездельник, все равно избавлюсь, с веселой злостью подумала Алиса и опять взялась за телефон. Это было ее основное орудие труда.

Возвращаясь домой, Алиса попала в пробку. Скоро по Москве вообще нельзя будет ездить, досадовала она. От нечего делать она посмотрела по сторонам и вдруг замерла. В соседней машине на переднем сиденье была не кто иная, как Иришка Тропинина, Таткина дочь. Первое, что бросилось в глаза, ее ярко накрашенные губы. За рулем черного «БМВ» сидел мужчина. Разглядеть его Алиса не могла. Очень интересно, что все это значит? Только бы Ирка ее не заметила. Но девчонке было не до окружающих. А тут еще мужчина обнял Ирку и поцеловал. Та прильнула к нему, и они уже не отрывались друг от друга. Боже, похолодела Алиса, ей ведь всего пятнадцать лет! Конечно, выглядит она на все семнадцать, но что это меняет? Как же быть? И кто этот тип? Что ему надо от девчонки? Впрочем, это как раз довольно ясно… Господи помилуй, что же делать? Спугнуть эту сладкую парочку? А что толку? Нет, я должна выяснить, кто он такой, а потом объяснить этому сукину сыну, что за совращение малолетних… Он, вероятно, не в курсе, сколько ей лет. А она… Из молодых, да ранних… Впрочем, это так понятно: дома у них сейчас царит уныние, а в пятнадцать лет унывать как-

то не хочется… И тут подворачивается шикарный мужик на крутой тачке, небось обещает ей златые горы. Ладно, с ним я разберусь, решила Алиса, а как быть с Таткой? Говорить ей что-нибудь или не стоит пока? Нет, пока не стоит. Это может ее добить. А вот с этой дурищей я непременно побеседую. Но сперва с ним. И Алиса записала номер его машины.

Мало-помалу пробка рассасывалась. Интересно, куда он ее везет? А вдруг куда-нибудь за город, на дачу? Завезет, изнасилует… хотя насиловать, судя по всему, и не придется. А если он там будет не один? Алису била крупная дрожь. Погоди, успокаивала она сама себя. Зачем выдумывать всякие ужасы? Я последую за ними. И в случае чего помешаю. Если они выедут за город, я просто заставлю его остановиться и заберу эту дуру… Так она меня и послушается!

«БМВ» тронулся с места, но правая рука мужчины лежала на плече Иришки. Чуть помедлив, Алиса пропустила «БМВ» немного вперед. Вскоре ей удалось перестроиться в тот же ряд, и она теперь катила непосредственно за ними.

Да нет, они же едут к центру, а вовсе не за город, сообразила Алиса, и ей стало легче. Потом вдруг до нее дошло, что мужчина попросту везет Иришку домой. Слава богу, вот только хотелось бы знать откуда. Интересно, а в школе она сегодня была? Действительно, «БМВ» вскоре остановился в одном квартале от дома, где жила Тата. Но Иришка не спешила вылезать. Целуются, ясно. Может, подойти сейчас и застать, что называется, на месте преступления? Нет, пожалуй,

не надо. Лучше сначала выяснить, что это за тип, а уж потом… А что потом? Что я могу сделать в этой ситуации? Но вот Иришка выскочила из машины и припустилась бегом к дому. Ага, торопится, понимает, что мать уже, наверное, пришла с работы. И то хорошо. Но все-таки не нравится мне эта история. Ох, не нравится. Алиса собиралась уже выскочить и подойти к «БМВ», чтобы сразу поговорить с этим растлителем, но не успела. «БМВ» рванул с места. Она хотела рвануть за ним, но не тут-то было. Мотор заглох, и она потеряла «БМВ» из виду. Ничего, сукин сын, я тебя все равно найду, со злостью подумала Алиса. Мотор не желал заводиться. Черт бы его побрал! А может, зайти к Татке, поглядеть, что там и как, раз уж машина забарахлила? Но тут она вдруг завелась как миленькая. Значит, не судьба, вздохнула Алиса и поехала домой.

На Якиманке она опять попала в пробку, но, во избежание новых неприятностей, старалась не смотреть по сторонам, а когда все-таки глянула, то обомлела: за рулем стоящей справа машины сидела… собака. Большая немецкая овчарка. Кажется, я схожу с ума, подумала Алиса. А может, какой-нибудь дурак решил удивить народ и надел маску? Но нет, это все-таки настоящая овчарка. А, наверное, хозяин куда-то выскочил, и собака перебралась на его место, сообразила Алиса. Но в этот момент машины тронулись. За рулем по-прежнему была овчарка. Или это какие-нибудь кинотрюки, или я сошла с ума. Меня ведь предупреждала Берта Яковлевна,

что если я не найду себе мужика, то запросто могу спятить. И похоже, спятила.

Алису не интересовало уже ничего, кроме феноменальной овчарки, но, лишь миновав Большой Каменный мост, ей удалось поравняться с той машиной, и она облегченно рассмеялась. Автомобиль попросту был с правосторонним рулем! А овчарка сидела рядом с водителем. Слава тебе Господи! Я не сошла с ума, а всего лишь малость сдурела.

Войдя в квартиру, Алиса сразу испытала привычную радость. Хорошо, уютно, красиво и можно расслабиться. Хотя нет, сначала надо выяснить, кто этот чертов мужик, который был с Иришкой. Она бросилась к телефону, но тут же вспомнила, что рабочий день кончился и раньше завтрашнего утра ничего узнать не удастся. Ну и ладно, хоть поем спокойно.

На другой день, часам к двенадцати, Алисе уже многое было известно о владельце «БМВ». Святослав Игоревич Курбатов, генеральный директор фирмы «Каньон». Ах, сучий потрох, Иришка ему понадобилась, свежачка захотелось? Ну я тебе покажу!

Она набрала телефон фирмы. Грудной голос секретарши звучал весьма сексуально.

– Извините, пожалуйста, – начала Алиса, – с вами говорят с телевидения, секретарь директора департамента развития сети Алисы Витольдовны Сухоцкой. – Ударение она сделала на магическом слове «телевидение».

– Очень приятно, – произнесла секретарша.

– Не могли бы вы записать Алису Витольдовну на прием к Святославу Игоревичу?

– Если по вопросам спонсорства, это бесполезно! – отрезала секретарша.

– Нет-нет, это дело совсем другого характера, конфиденциального, – подпустила таинственности Алиса.

– А не могли бы вы хотя бы в общих чертах обозначить вашу проблему?

– Нет, это невозможно, я просто не в курсе, я всего лишь выполняю поручение.

– В таком случае, я не могу вашего директора записать на прием. Пусть она сама позвонит.

– Эй, подруга, послушай, – сменила тон Алиса, – ты такая же секретутка, как и я, зачем строить из себя невесть что? Запиши на прием, а они уж сами как-нибудь разберутся. Эта наша Алиса такая крутая баба, она меня просто выгонит, а работу найти трудно, сама, что ли, не знаешь?

На другом конце провода слышалось задумчивое сопение.

– Я бы записала, но если эта твоя крутая директриса начнет у шефа бабки просить, так он меня выгонит. Мне строго-настрого наказано по вопросам спонсорства не принимать.

– Да какое там спонсорство! У нас этим совсем другие люди занимаются. Я ж говорю: мы развиваем сеть!

– Значит, она точно не из-за денег?

– Точно.

– Ну а как обозначить проблему? Шеф спросит, по какому вопросу, и что я отвечу?

– Ну скажи, что… а черт, я же не знаю! Придумай сама что-нибудь такое, чтобы прохиляло у твоего шефа, но только в общих чертах, понимаешь?

– Понимаю! – хмыкнула секретарша. – Только что я-то буду с этого иметь?

– Ты куришь?

– Ну?

– Что куришь?

– Зеленый «Мо».

– Блок тебя устроит?

– Ну ты даешь! Круто!

– Получишь, не сомневайся!

– Годится. Значит, так… записываю твою шефиню на завтра, на одиннадцать тридцать. Пойдет?

– Пойдет. Спасибо, подруга! А как тебя звать? Кому послать сигареты?

– Илона меня зовут.

– Красивое имя, обалдеть! Ну все, Илона, пока!

Алиса повесила трубку и подумала, что с сигаретами она, пожалуй, сглупила. Не потому, что ей было жалко денег, но просто с какой стати одна секретарша дает взятку другой? И как быть с этими сигаретами? Не самой же крутой мадам их передавать секретарше? Не умею я врать. Ну да ничего, попрошу водителя служебной машины отвезти блок этой Ило-

не.

На следующий день в одиннадцать она отправилась на фирму «Каньон». У подъезда стояли машины одна шикарнее другой. Алисина «мицубиси» выглядела здесь бедной родственницей. Она оставила машину в переулке за углом. Пусть автомобильчик у нее и не супер, зато она сама выглядит на все сто! Даже охранник при виде нее вытянулся в струнку.

Секретарша оказалась совершенно такой, как ее представляла Алиса. Длинноногая красивая блонда лет двадцати пяти. Наверное, для Курбатова она уже стара, ему что посвежее подавай, с яростью подумала Алиса, и эта ярость прибавила ей боевого задора.

– Моя фамилия Сухоцкая, я на одиннадцать тридцать, – сказала она.

– Ах да, вам придется минут пять подождать, Святослав Игоревич вышел… Посидите пока.

– Вышел или ушел? – холодно осведомилась Алиса.

– Нет-нет, он здесь, просто вышел ненадолго. Не волнуйтесь.

Секретарша из-под ресниц разглядывала посетительницу. Немолодая, конечно, но чувствуется класс. За такой костюмчик можно душу отдать, а как сидит… И драгоценностями не увешана. Одно колечко всего. Наверное, и сережки есть, но под волосами не видно. Интересно, это у нее свой цвет такой или крашеная? Нет, похоже, цвет натуральный…

В приемную вошел мужчина лет пятидесяти в элегантном темно-сером костюме.

– Святослав Игоревич, это к вам.

Алиса вспыхнула от злости. Ах, старый развратник, я думала ему лет тридцать…

– Милости прошу! – Курбатов с любопытством посмотрел на посетительницу.

Хотелось с ходу надавать ему по морде, но Алиса сдержалась и прошла в роскошно обставленный кабинет.

– Садитесь. Хотите кофе?

– Нет, благодарю!

– Тогда, может быть, чаю?

– Спасибо, нет.

Она села в кресло напротив массивного письменного стола.

Хозяин кабинета тоже опустился в свое кресло и выжидательно уставился на Алису. Впрочем, еще и с огромным удовольствием. Она ему страшно понравилась. Сразу видно, стерва. Курбатов обожал стерв, особенно рыжих.

– Итак, что вас привело ко мне?

Алиса сосчитала до десяти и только потом ответила:

– Ненависть.

Ей сразу стало легче оттого, что она сказала чистую правду.

– Ненависть? Я не ослышался?

– Нет, не ослышались. И я требую, слышите, требую, что-

бы вы оставили Иришку в покое.

На лице Курбатова отразилось искреннее недоумение.

– Какую Иришку? О чем вы говорите?

– Иришку Тропинину! Имейте в виду, я не обратилась прямо в милицию, только чтобы не мучить девочку. Или вы не в курсе, что ей всего пятнадцать лет?

– Ничего не понимаю! Это какое-то недоразумение!

– Нет, это растление малолетних!

– И все-таки я ничего не понимаю… – Он выглядел несколько растерянным, но не испуганным. – Может быть, вы сдержите свои эмоции и объясните, в чем дело? Или это попытка шантажа? В таком случае, должен вас огорчить, я сейчас же звоню в милицию. Вы хоть соображаете, в чем меня обвинили? И кто такая эта Иришка?

Алиса вдруг похолодела. А что, если этот холеный господин тут ни при чем, а она, как всегда, погорячилась?

– Послушайте, синий «БМВ» под номером 083 принадлежит вам?

– Не буду отрицать. Мне.

– В таком случае вы, вероятно, помните, куда отвозили пятнадцатилетнюю девчонку в начале седьмого позавчера? И целовались с ней, пока стояли в пробках? Вы станете это отрицать?

– А что, вы меня там видели? – вдруг развеселился он.

– Да, представьте себе.

– Меня?

– Вас. Это же ваша машина?

– Машина моя, не спорю. Но меня там не было, и я, увы, в это время не целовался с молоденькой девицей, а вел довольно трудные переговоры в Дортмунде.

– В Дортмунде? И вы можете это доказать?

– Ну разумеется.

– Докажите.

– Нет ничего проще.

Он вытащил из внутреннего кармана заграничный паспорт и протянул его Алисе.

Она с некоторой растерянностью взяла документ.

– Смотрите, смотрите, вон там отметка о прилете из Германии. Убедились?

– Да.

– Так что ваш шантаж не удался.

– Послушайте, а кто же это мог быть?

– У меня даже вопросов не возникает. Наверняка мой сын.

– Сколько ему лет?

– Девятнадцать. Он студент. И, по-видимому, полный дурак. Я в его возрасте предпочитал женщин постарше.

– Между прочим, в девятнадцать лет тоже можно сесть за растление, – утратив всю агрессивность, произнесла Алиса.

– Я с ним поговорю, обещаю вам, – уже вполне серьезно сказал Курбатов. Ему было приятно, что эта рыжая нахалка сбавила тон. – Я Денису такую головомойку устрою! Наглый

мальчишка, берет мою машину и катает на ней всяких писюшек…

Алиса была подавлена. Давно уже она не чувствовала себя такой дурой. Хорошо хоть никого не посвящала в свою затею.

– Ну что ж, прошу меня извинить, – с трудом выдавила она и встала.

– Погодите, эта девочка – ваша дочь?

– Племянница.

– Послушайте, а почему вы начали с меня? Почему не поговорили сначала с ней? По-моему, это было бы разумнее. Или вы преследовали какую-то другую цель?

– О нет, а начала с вас, потому что… потому что…

– Потому что вы слишком темпераментны.

– Нет, – покачала головой Алиса, – дело не в темпераменте. Я просто дура. Всего хорошего.

– Подождите, Алиса… Витольдовна.

Она недоуменно смотрела на него и, стоя столбом возле его стола, действительно ощущала себя последней идиоткой.

– Алиса Витольдовна, знаете, я в некотором роде фаталист…

– Ну и что?

– Раз уж судьба привела ко мне такую интересную и темпераментную женщину, я просто обязан этим воспользоваться.

– Не понимаю…

– Вы сегодня вечером заняты?

Клеится он ко мне, что ли?

– Занята! И к тому же сегодня вечером вам предстоит сделать внушение сыну. Всего хорошего. Извините.

И она пулей вылетела из его кабинета.

Курбатов только головой покачал. И вызвал секретаршу:

– Илона, раздобудь мне координаты этой дамы. И чем скорее, тем лучше.

Алиса добежала до машины и, пыхтя от негодования, села за руль. У нее даже руки дрожали. Надо ж было так опростоволоситься! Какого дьявола я вечно лезу, куда меня не просят! Может, у Ирки любовь неземная, а я встреваю! Теперь папаша устроит сыночку скандал, тот расскажет Ирке… Черт, черт, черт! Нет, это точно, у меня сдвиг по фазе. Тетя Берта права, надо завести мужика. Я уже утратила всякое чутье. Вообразила невесть что – растление малолетних! Их растлишь, этих нынешних малолеток, они сами кого хочешь растлят. Небось у Ирки сексуальный опыт побогаче, чем у ее мамы… Я кретинка. Все, больше в чужие дела не суюсь! И вообще, пора на работу, там я по крайней мере уж точно на своем месте. Вот и хорошо, а мужики… Да пропадите вы все пропадом!

– Наталья, будь добра, посмотри вот эту рукопись, – сказал главный редактор, протягивая ей красную папку.

– Самотек? – спросила она.

– Нет. Автора рекомендовала Жихарева, говорит, талант-

ливый. Если пойдет, пустим в серию «Бестселлер XXI века». Только не тяни, ладно?

– А ты-то сам смотрел?

– По-моему, вполне… Но ты же знаешь, я тебе больше чем себе доверяю.

– Хорошо.

– Наталья, только, пожалуйста, забудь, что за него Жихарева хлопотала. А то я тебя знаю, ты так ее не любишь…

– Олег!

– Да вы же, бабы, такой народ… Поэтому будь объективной.

– А если мне не понравится?

– Напишешь обоснованное заключение.

– Как будто мои заключения кого-то волнуют!

– Ну не преувеличивай!

– Олег, если ты помнишь, я была против того, чтобы печатали Тушилова, ну и что? Мне же теперь приходится это дерьмо хлебать большими ложками! Да и вообще…

– А Тушилов, между прочим, прекрасно продается!

– Ну еще бы! У всех его положительных героев член длиной тридцать сантиметров!

– А разве это плохо? – с некоторой грустью спросил главный редактор.

– Дело вкуса! – фыркнула Наталия Павловна. – Ладно, Олег, я пойду.

– Иди. Как дела-то?

– Нормально.

– Хорошо. Иди.

Вернувшись к себе, Наталия Павловна раскрыла папку. «П. Гущин. Дурная слава». Она вытащила наугад одну страничку. По крайней мере вполне грамотно, и на том спасибо. Ладно, заберу домой, вечером прочту.

Тата взялась вычитывать верстку очередного детективного романа. Только за работой она чувствовала себя человеком, а не брошенной женой. Сколько ни говорила себе, что жизнь в тридцать девять лет не кончается, что та же Жихарева вышла в третий раз замуж почти в пятьдесят, а корректорша Зинаида Иосифовна и вовсе в пятьдесят два, но ничего не помогало. К тому же Наталия Павловна сидела на диете, и от этого ей было еще хуже, а результатов что-то не видно.

В комнату вихрем ворвалась Рина, с грохотом отодвинула стул и изо всех сил хватила кулаком по столу. Так она обычно разряжалась после бесед с коммерческим директором издательства Кузоватовым.

– Опять с Витасиком поцапалась? – оторвалась от верстки Тата.

– С кем же еще? Я его когда-нибудь укокошу! Собственноручно!

– Что опять?

– Очередная гениальная идея! Он требует, чтобы авторы детской серии по возможности брали псевдонимы!

– Подумаешь, новость!

– Но ведь Богословская уже печаталась, это не первая ее книга, а он, видите ли, решил, что Богословская – неподходящая для детей фамилия! И требует, чтобы она звалась Корабликовой!

– Почему Корабликовой?

– Ему кажется, что детям это должно понравиться!

– Бред!

– Я ему то же самое сказала!

– А сама Богословская в курсе?

– Пока нет.

– Ну так чего ты расстраиваешься? Может, она еще пошлет его куда подальше.

– Ты ж его знаешь, он упрется и может начать настаивать. А Богословская талантливая, у нее хорошие книги, жалко если она уйдет.

– Не уйдет. Думаю, Витасик в результате откажется от своей роскошной идеи.

– Как же, жди-дожидайся! Татка, обещай, что не протреплешься. Обещаешь?

– Обещаю! А что такое?

– Он велел мне подготовить ему список «детских» фамилий!

– Что?

– Что слышала!

– Он рехнулся?

– Похоже на то.

– Но зачем это нужно?

– Он выразился так: «Чтобы давать авторам возможность выбора». Вот приходит, например, человек по фамилии Смирнов. А мы ему списочек: извольте выбрать сами, кем вам быть – Корабликовым, или Самолетиковым, или Собачкиным.

– Интересно, а Рыбкин, Птичкин, Кошкин – это детские фамилии?

– По-видимому, недостаточно.

– Тогда Пеленкин, Подгузников, Соскин.

– Гениально, Татка, я вот ему такой списочек составлю. Как ты сказала? Я запишу. Давай еще!

– Памперс! Роскошная иностранная фамилия – Елизавета Памперс, блеск! А еще можно целую серию выпустить – Мамулин, Папулин, Дедулин.

– Ага, Сынулин, Бабулин, – подхватила Рина.

– А для подростков спецфамилии не нужны? А то можно, например, придумать такие – Пубертатников, Кайфецкий и Кайфоломский!

– Татка, это уже не по теме.

– Ладно, посмеялись, и вроде полегче стало.

– Да, отпустило. Пусть Витасик подавится этими детскими фамилиями. Как думаешь, подавится?

– Обязательно!

Часов в пять, когда они давно и думать забыли о пресловутом списке, в комнату заглянула незнакомая женщина сред-

них лет:

– Извините, я к Ирине Александровне.

– Слушаю вас!

– Извините, я вот принесла рукопись.

– Какую рукопись?

– Детский детектив. Мне посоветовали к вам обратиться… Я вообще-то из Питера… Но вот мне рекомендовали ваше издательство…

– А как вы прошли сюда? – полюбопытствовала Рина. – У нас ведь охрана.

– Я пришла к Геннадию Игоревичу.

Геннадий Игоревич был директором издательства.

– А, понятно.

– Геннадий Игоревич хотел сам меня вам представить, но я решила, что не стоит… Я бы и говорить не стала о нашем знакомстве, чтобы отношение ко мне было непредвзятым, но вы спросили… Пожалуйста, посмотрите, Ирина Александровна!

– Хорошо, разумеется, я прочту. Как ваша фамилия?

– Малышец. Елена Афанасьевна.

– Как? – чуть не расхохоталась Рина.

– Малышец!

– Это ваша настоящая фамилия или псевдоним?

– Нет-нет, настоящая. Я даже подумывала взять более благозвучный псевдоним. Например, Богоявленская. Мне эта фамилия очень нравится.

– Нет, только Малышец! – решительно заявила Рина.

– Вы полагаете? А почему?

– Оригинально, по крайней мере.

Тата, не выдержав, выскочила в коридор. Бывает же!

Вечером Иришка куда-то убежала, вероятно, к подруге, Тата решила просмотреть рукопись Гущина. Открыла и уже не могла оторваться. Книга была захватывающе интересной и отлично написанной. Надо же! Как здорово! Интересно, какой он, этот Гущин? И откуда взялся? Вероятно, герой романа – это некоторым образом он сам? Хорошо бы.

Тата заволновалась. Она всегда волновалась, когда натыкалась на талантливую рукопись. А «Дурная слава» даже не нуждается в редактуре. Ну, может, надо кое-что уточнить, убрать несколько повторов, но в целом роман можно сразу пускать в работу. Завтра с утра пойду к Олегу, обрадую его.

Тата даже не заметила, как вернулась и легла спать Иришка, вот зачиталась…

Утром она сразу же отправилась к главному редактору.

– Олег, можно к тебе?

– Заходи. Садись. С чем пожаловала?

– Я прочла Гущина, это блеск!

– Серьезно?

– Конечно. Прекрасно написано. Если хорошо оформить, вмиг расхватают. Настоящий бестселлер. Не оторваться.

– Ну вот и займись. Для начала позвони автору, пригласи для разговора ко мне. Я сам звонить не буду, чтоб не зада-

вался. И не особенно восхищайся. Ну сама знаешь, осторожненько. Мол, нам ваша книга подходит, не более того. А то аппетит разыграется.

– Господи, Олег, да за такого автора…

– Не горячись, Наталья. Мы же совсем его не знаем. Иному в башку сразу залетит, что он гениальный и неповторимый, а нам потом мучайся. Короче, выполняй! И сдержи эмоции. Поняла?

– Конечно. У тебя есть его координаты?

– Да, вот возьми! – Олег Степанович протянул ей карточку. – Пригласи его на пятницу, к трем часам.

– А если он не сможет?

– Сможет, сможет! Ни секунды не сомневаюсь, прилетит на крыльях любви. Да, вот хотел тебя спросить…

– О чем?

– Эта твоя подружка рыжая на какой машине ездит?

– Алиса? – страшно удивилась Наталия Павловна.

– Кажется.

– А тебе зачем?

– Да я вчера вроде бы ее видел, но не был уверен.

– У нее серебристая машинка, маленькая такая, японская…

– «Мицубиси»? Ага, точно, это она была.

– Ну и что?

– Да ничего, просто так.

– Признайся, Олег, она тебе понравилась?

– Ну да, красивая, только ты ничего такого не думай… – И главный редактор покраснел как мальчишка.

– А что мне думать? – усмехнулась Наталия Павловна. – Тебе тут ничего не светит.

– А ты позови нас вместе в гости, а? Под каким-нибудь предлогом. Можешь?

– Легко!

– Лучше бы в будний день вечерком, а?

– Олег, я, конечно, могу позвать и тебя и Алису, только повторяю: тебе тут ничего не светит.

– Почему это?

– Алиса в принципе не имеет дел с женатыми мужчинами.

– А я как бы уже не очень женат, – вздохнул главный редактор.

– Как? – ахнула Тата.

– Да вот так… Светка себе французика нашла…

– Из Бордо? – вырвалось у Таты.

– А ты почем знаешь? – насторожился Дюжиков.

– Что? – не поняла Тата.

– Откуда ты знаешь, что он из Бордо?

– Олег, помилуй, это же просто цитата из «Горя от ума». «Французик из Бордо, надсаживая грудь…» Ну и так далее. У меня просто вылетело…

– А, ну да… А я было подумал, что уже все издательство в курсе. Ты только помалкивай, ладно?

– Можешь быть спокоен. А он и в самом деле из Бордо?

– Именно.

– Богатый, что ли?

– Светка утверждает, что жутко богатый. Она уже подала на развод. Торопится, сучка…

Олег Степанович выглядел очень расстроенным. Светку он года три назад вывез из родного Ставрополя, где она была удостоена титула «Мисс Ставрополье». Ей было всего двадцать четыре года. И Олег Степанович женою гордился. Она соответствовала мировым стандартам.

– Ладно, Олег, я попробую.

– Да черт с ней, с этой рыжей стервозиной. Можешь меня одного пригласить. Мы с тобой теперь товарищи по несчастью.

– Ну одного тебя я могу хоть сегодня позвать… Слушай, с Алисой тебе и правда не светит, но у меня есть еще одна подруга, Соня. Очаровательная женщина, умница, прелесть. Она вас, мужиков, всегда жалеет.

– Не замужем?

– Нет.

– Сколько лет?

– Сколько мне.

– И не стерва?

– Нисколечко.

– Дети есть?

– Нет.

– Ладно, договорись с ней на любой день. Можно и на суб-

боту, только не на воскресенье. Я по воскресеньям пить не люблю.

– А в будни?

– В будни много не выпьешь.

– Поняла!

– Выпивку я обеспечу, имей в виду. Кстати, может, я с одним другом приду, а?

– Для меня, что ли?

– Ну ты там посмотришь, а то втроем как-то глупо…

– Чего не сделаешь ради начальства, – улыбнулась Тата.

– Вот и славненько.

В этот момент дверь кабинета распахнулась и в проем вдвинулась совершенно разъяренная Валерия Жихарева.

– Господин Дюжиков! Я возмущена! Собственно, я хотела пойти к директору, но его, видите ли, нет!

Олег Степанович, не вставая с кресла, пригласил:

– Садитесь, Валерия Семеновна.

– Я хочу побеседовать с вами с глазу на глаз!

Жихарева стояла в дверях, а так как кабинет был крохотный, то Тата просто не могла выйти.

– Я же сказала: при посторонних я разговаривать не буду!

– Разрешите, я выйду! – тихо проговорила Тата.

– Да уйдете вы когда-нибудь?

– Я бы ушла, если бы вы были постройнее. А так вам придется меня пропустить! – обозлилась Тата.

– Что ваши сотрудники себе позволяют? – завопила ма-

ститая писательница. – Это не издательство, это форменный бардак, а ваши девицы – типичные вокзальные проститутки! И хамки!

– Валерия Семеновна! Успокойтесь! – растерянно пробормотал главный редактор.

Самое смешное заключалось в том, что взбешенная дама по-прежнему загораживала выход, а за ее спиной в коридоре уже собирался народ.

– Наталья, исчезни! – потребовал Олег Степанович.

– Я когда-то в юности прыгала в высоту, но тут не разбежишься.

За спиной Жихаревой раздался смех. Она в гневе обернулась, и Тата, слегка ее оттолкнув, протиснулась за дверь.

И тут же на глаза ей попалась зареванная Вика. Девушка стояла у стенки, и по ее хорошенькому личику катились крупные слезы.

– Что там такое? – спросила Евгения Федоровна, технический редактор.

– Понятия не имею! – пожала плечами Тата. – Но думаю, Олег сейчас нахлебается… Вика, в чем дело? Пошли ко мне. – Она обняла девушку за плечи и повела в свою комнату. – Это из-за тебя сыр-бор?

– Из-за меня, – всхлипнула Вика. – Я ей просто сказала, что нашла несколько мелких погрешностей. Она сначала так бровки вздернула, губки поджала и говорит: «Ну-ну, посмотрим». Только это никакие не мелкие погрешности, а

просто ошибки… ну насчет «Нахлебника», помните? Да и еще там… Она, например, пишет, что в ресторане подали меню вин. Но ведь это называется карта вин, правда же?

– Правда. Но я тебя предупреждала.

– Я не могу так… Ведь лучше же исправить ошибки. Наталия Павловна, меня теперь уволят?

– Еще чего! Да если из-за капризов таких дамочек всех увольнять… Но разговор неприятный может быть. Ничего, считай, это у тебя боевое крещение. К тому же, думаю, она про тебя уже и забыла. Сейчас весь гнев обращен, наверное, на меня. Но я привычная. Хочешь чаю?

– Если можно…

Тата заварила в кружке чай и достала из шкафа коробку зефира в шоколаде.

– Угощайся.

– А вы?

– А я на диете, – вздохнула Тата, с вожделением глядя на зефир. Она приоткрыла дверь и прислушалась. Из кабинета главного редактора доносились громкие голоса.

– Ругаются? – шмыгая носом, спросила Вика.

– Как ни странно, да.

– Почему – как ни странно?

– А Олег Степанович обычно с женщинами не препирается. Он их молча слушает, дает выговориться. Но сегодня он тоже что-то расшумелся.

Тата на цыпочках подошла к его двери.

– Только не надо меня шантажировать, дражайшая Валерия Семеновна, – услышала она голос Дюжикова. – И кричать тоже не надо, зачем портить себе нервы? Давайте договоримся мирно, по-хорошему. Впредь все ваши книги будут выходить в том виде, в каком вы их сдаете.

– Именно этого я и требую.

– И никто из редакторов их вообще читать не будет.

– Слава тебе Господи! Ваши редакторы…

– Но… – Тата, казалось, сквозь дверь видит, как Олег поднимает указательный палец. – Но… Если в книге совершенно случайно обнаружится какая-то ошибка, то уж не взыщите!

– Я прекрасно понимаю, что вы задумали! – взвизгнула Жихарева. – Ваши гнусные девки нарочно насажают мне ошибок, чтобы потом я краснела перед читателями! Я вас всех насквозь вижу. Это все зависть, черная зависть!

– Ну зачем вы так? Никто никаких ошибок вам сажать не будет, нашим девочкам некогда этим заниматься…

– Короче, я требую, чтобы вы объявили выговор Тропининой за хамство. Требую!

– Валерия Семеновна, но это уже наше внутреннее дело.

– В таком случае, пусть она немедленно извинится. И эта соплячка Вика тоже.

– Простите, но я не понял, за что должна извиняться Вика? За свою добросовестность? За хорошую работу? Дело в том, что «Нахлебника» действительно написал Тургенев, а

не Достоевский. Но если вы настаиваете, пусть будет Достоевский. Я, лично, не возражаю.

– Вы что, в самом деле идиот или прикидываетесь? Я и без вас это знаю, я имела в виду не тургеневского определенного героя, а всех «маленьких людей» Достоевского…

– А! Понял. Спасибо, что разъяснили. Теперь, я полагаю, вопрос снят. Все останется так, как было. Обещаю вам. Хотите кофе?

– Стану я пить вашу бурду! Я только настаиваю, чтобы Тропинина извинилась. По-моему, это не так уж много, учитывая, как ваше издательство на мне наживается!

– Я не уверен, что она еще здесь. По-видимому, Наталия Павловна сейчас уехала по моему поручению!

– Ай да Олег! – обрадовалась Тата и поспешила скрыться в своей комнате. Более того, заперла дверь на ключ и приложила палец к губам. И тут же кто-то подергал дверь.

– Вот видите, она ушла, – донесся из коридора голос Дюжикова.

– Ну и черт с ней, с этой коровой!

Наконец все стихло.

– Что там было? – едва слышно спросила Вика.

– Бой быков.

– И кто победил?

– На сей раз, кажется, тореро. Олег стоял насмерть.

И Наталия Павловна рассказала Вике все, что удалось подслушать.

– Надо же, – покачала головой Вика. – Мы еще должны извиняться. Слышали бы вы, что она мне кричала! И ногами топала! Может, она ненормальная?

– Климакс, наверное. Но, впрочем, она всегда была противная. У меня на нее аллергия.

Минут через десять в дверь постучали.

– Наталья, открой!

– Сейчас!

– Окопались тут! Фу, я просто еле жив! Сделайте мне чашку чаю! Кошмар какой-то!

– Я вообще-то многое слышала, – призналась Наталия Павловна. – Ты молодец.

– Она потребовала, чтобы ты домой к ней явилась с извинениями.

– Еще чего!

– А я ответил, что в таком случае она должна будет публично извиниться за вокзальных проституток! Тут она и сникла… Ну, Наталья, неужели все кончилось? Просто себе не верю!

До Гущина Тата дозвонилась только вечером, из дому. Трубку сняла женщина. Судя по голосу, немолодая.

– Будьте добры, Павла Арсеньевича! – сказала Тата. И вдруг в памяти помимо воли всплыло: «Найдет свое счастье Наташа с мужчиной по имени Паша». Неужели это он?

– Его нет дома. А что передать?

– Простите, а с кем я говорю?

– Это его мама.

– Я из издательства, по поводу романа, который написал ваш сын.

– Да? – В голосе мамы явственно слышалось волнение.

– Книга нам понравилась. Мы хотим ее напечатать. Но Павлу Арсеньевичу следует прийти в издательство, поговорить с главным редактором, Олегом Степановичем Дюжиковым. Хорошо бы завтра, в три часа. Как вы думаете, это возможно?

– Я не знаю. Павлик сейчас гуляет с собакой, он скоро вернется. Может, вы еще разок позвоните, через полчасика? Очень вас прошу!

– Хорошо.

– А еще лучше оставьте ваш телефон. Он сам позвонит.

Интересно, какой у него голос, у этого «мужчины по имени Паша»? Почему-то Наталье Павловне казалось, что он должен быть таким… ну таким, как… Одним словом, Тата волновалась.

Звонок раздался даже раньше, чем она ожидала. Очень приятный мужской голос попросил Наталию Павловну.

– Это я.

– Говорит Гущин. Мне передали, что вы звонили…

– Да, Павел Арсеньевич. Вы не могли бы завтра в три часа прийти к главному редактору, обсудить условия и так далее…

– Простите, а кто читал мой роман?

– Я. И мне он очень понравился. И главный тоже читал. Решено его печатать. Это ваша первая книга?

– Да. – Ответ прозвучал как-то неуверенно. – Значит, вам понравилось… Извините, а вы кто?

– Я редактор. Вероятно, буду вести вашу книгу.

– Корежить будете?

– Корежить? Боже упаси!

– Это обнадеживает. А мне прямо к главному приходить или сначала к вам?

– Как хотите.

– Так, может, я сперва к вам зайду? Я, знаете ли, не очень люблю начальство.

– Хорошо.

Она объяснила Гущину, как ее найти, и с взволнованно бьющимся сердцем повесила трубку. Голос Павла Арсеньевича ей понравился. Глубокий, приятный…

– Мамочка, ты о чем задумалась? – ласково спросила Иришка, появившись в дверях.

– Да так просто… О работе.

– Мам, папа звонил.

– И что сказал? – устало осведомилась она.

– Знаешь, он меня в гости звал. Хочет со своей… ну с этой меня познакомить.

– А ты что?

– Согласилась. Мамочка, ну мне же интересно, пойми!

– Интересно, на кого он твою мать променял? – В голосе

Таты уже дрожали слезы.

– Интересно! Да! Тем более я уверена, что он дурак. Хочу убедиться. Мама, только не реви, ладно? Ты и так уж… И вообще, я давно хочу тебе сказать…

Иришка села за кухонный стол напротив матери, подперла голову руками и молчала, видимо, подбирая слова.

– Ну, горе мое, что ты хотела сказать?

– Знаешь, мам, ты когда про все это говоришь, ну про папу, про эту историю… ты такая… неинтересная становишься!

– Неинтересная? В каком смысле?

– А во всех! И лицо у тебя какое-то… надутое. И слова – как в плохом кино.

– Ирка!

– Нет, правда-правда, дай я договорю! Я же о тебе думаю! Ты вообще-то клевейшая. Красивая, умная, язычок у тебя подвешен будь здоров – одним словом, класс! А тут… просто не женщина, а… геркулесовая каша на воде! Остывшая! Не то что хавать, а глядеть скучно. И слушать тоже!

– Ну и не слушай!

– Мам, ты не обижайся, я тебе добра желаю! Так нельзя. Ты посмотри, ты ведь даже одеваться нормально перестала. Все серенькое, скучненькое… Тебе что, надеть нечего? Ну ушел… ну бывает… Не пропадать же тебе! Мамочка, ну не плачь, ну пожалуйста! Хочешь, я не пойду к ним? Хочешь?

– Да при чем тут это? Ирка, у меня что, и вправду такой

жалкий вид, да?

– Жуть с ружьем!

– Но что же делать?

– Взять себя в руки. Ты завтра идешь на работу?

– Конечно.

– Тогда разбуди меня пораньше.

– Зачем?

– А я прослежу за тобой! Я тебя приведу в чувство! На тебя еще все мужики кидаться будут!

– Ирка, ты ненормальная, – улыбнулась Тата сквозь слезы.

– Нет, я как раз нормальная. Я хочу своей мамой гордиться, как раньше! А не умирать от жалости. Понятно?

– Более или менее.

– Так, ты когда последний раз на ночь кремом мазалась? Забыла уже? Нет, я с тебя не слезу! Иди в ванную! За собой надо ухаживать, особенно в твоем возрасте, вон кожа какая сухая стала!

Тата покорно поплелась в ванную. Ирка права, я безобразно распустилась. Все силы уходят на диету… А если я намерена похудеть, то уж за кожей особенно надо следить… Да, надо же рассказать дочке о сегодняшней стычке с Жихаревой. Ей будет приятно, что мать все-таки не совсем превратилась в геркулесовую кашу.

– Софья Давыдовна, к телефону!

– Алло!

– Сончик, это я, ну как ты там?

– Славка, мне сейчас некогда.

– Ну вот, тебе всегда некогда, когда я звоню, а я соскучился. Мы уже четыре дня не виделись.

– Извини, у меня клиенты. Я сама тебе позвоню.

– Можно я заеду после работы?

– Заезжай.

Соня в раздражении швырнула трубку. Нет, эти отношения пора кончать, сколько можно? Посетителей у нее не было, но она принципиально не вела на работе личных разговоров. Зачем занимать телефон, ведь даже сейчас, в самое «глухое» время, какой-нибудь случайный клиент может позвонить, и, если будет занято, он запросто обратится в другую фирму. Ради чего рисковать?.. А Левка так и не появился. Да и зачем я ему? А он мне разве нужен? Нет. Но почему-то все-таки обидно. Просто я невезучая.

– Ой, Соня! Что я тебе расскажу! – запыхавшись, проговорила Нора, одна из сотрудниц агентства, тридцатилетняя женщина, безмерно озабоченная отсутствием мужа. – Ты помнишь Людку из «Атолла»? С такой короткой стрижкой и с громадной жопой?

– Помню, а что?

– Она замуж вышла!

– Ну и что?

– Как это – ну и что! – удивилась Нора. – Ты бы лучше спросила, за кого!

– За кого?

– За американца! За богатого американца и уехала с ним в штат Арканзас.

– И что дальше?

– Да она только что уехала!

– Не пойму, что ты-то так волнуешься, она же тебе не близкая подруга? Проживешь как-нибудь!

– Сонь, ты меня нарочно дразнишь, да? Все ты прекрасно понимаешь! Я тоже хочу замуж! И хорошо бы за американца!

– Хотеть не вредно.

– Да в том-то и дело! – Нора вдруг перешла на таинственный шепот: – Мне девчонки из «Атолла» объяснили, как ей это удалось! Через российско-американское брачное агентство! Представляешь? И я добыла адрес этого агентства!

– Поздравляю!

– Ну я-то не хуже Людки, а фигурка у меня в сто раз лучше! Так что шансы есть.

– По-моему, у тебя вообще много шансов и без всякого агентства.

– Ну уж нет, я этим воспользуюсь! Всего сто баксов, а выиграть можно миллион!

– За что сто баксов?

– Чтобы тебя на учет поставили. И еще надо фотографии в разных видах… Соня, давай вместе пойдем. Может, и тебе там тоже мужа найдут, а?

– Ну вот еще! Мне сто баксов не так легко достаются, что-

бы я их в помойку выбрасывала. Лучше я себе туфли хорошие куплю, толку больше будет… К тому же не нужен мне никакой муж, тем более американский. Там курить нельзя!

– Но ты же не куришь! – страшно удивилась Нора.

– Ну и что? Все равно противно. А каково там курящим? Да и вообще, они все делают всей страной! А мне это не нравится!

– Сонечка, давай, прошу тебя!

– Нора, отвяжись, вон возьми Анюту.

– Анюту! – возмущенно фыркнула Нора. – Ей всего девятнадцать, рано еще! Соня, ты все-таки подумай до понедельника, я уже записалась на прием, может, еще решишься.

– Ладно, подумаю, – кивнула Соня, просто чтобы отвязаться. Дуреха эта Нора, неужели всерьез надеется выйти замуж таким путем?

Соня давно уже поняла, что есть женщины, которые постоянно выходят замуж, а есть такие, которым это никак не удается. И вовсе не оттого, что они чем-то хуже первых, отнюдь – просто так складывается судьба. И кстати, неизвестно еще, кому из этих женщин в жизни больше везет. Вот взять, к примеру, Алису – умна и красива, и все у нее получается, за что бы ни бралась, а личная жизнь не устраивается. А я сама? Тоже ведь не уродина и не дура, кажется. Но у меня, конечно, мама… И какой-никакой, а все-таки Славка… Алиса вот не понимает, всегда говорит: «Чем с таким козлищем, лучше одной!» Может быть, но страшно быть совсем

одной. А вот Татка обязательно замуж выскочит. Очухается и выскочит.

Ее размышления прервал стук в дверь, и на пороге появился парнишка лет двадцати.

– Скажите, пожалуйста, вы меня в Египет отправить можете?

– Легко!

– Но так, чтобы не очень дорого, а то у меня с деньгами плоховато…

– Посмотрим, что можно сделать.

– Понимаете, мне неважно, какая там гостиница и все такое, мне главное пирамиду Хеопса своими глазами увидеть! Это у меня с детства мечта такая…

– Ладно, – улыбнулась Соня, – увидите вы пирамиду Хеопса, не сомневайтесь! А еще и в Красном море искупаетесь, тоже впечатление на всю жизнь! Коралловые рифы, рыбы, такая красота…

– Да я плавать не умею, – потупился паренек.

– Там вмиг научитесь!

– А вы сами бывали в Египте?

– Да.

– И пирамиду Хеопса видели?

– Видела.

– Ну и как?

– Грандиозно! – вдохновенно ответила Соня. На самом деле она эту пирамиду видела в такую жуткую жару, что у

нее буквально плавились мозги и все плыло перед глазами. К тому же она в тот день что-то не то съела и ее все время мутило. С тех пор даже при виде рекламных снимков знаменитой пирамиды Соню начинало тошнить. – А у вас заграничный паспорт-то есть? – поинтересовалась она на всякий случай, а то бывают такие клиенты, которые даже не подозревают, что надо иметь, прежде чем куда-то собираться.

– Конечно, есть, только вчера получил! – Паренек с гордостью протянул ей паспорт.

– Отлично. Так когда вы думаете ехать?

– В конце марта. Это возможно?

– Да. Хорошо, что вы заранее побеспокоились, а то многие говорят: хочу уехать завтра!

– Нет, я понимаю…

– Люблю понимающих клиентов!

Соня вообще старалась любить клиентов, хоть это и не всегда удавалось. Такие мерзкие иной раз попадаются, хоть волком вой, но клиент всегда прав, и об этом надо помнить.

За весь день кроме любителя пирамид была всего одна клиентка, постоянная, которая каждый год ездила в Израиль на Песах, а больше никого. Соня проверила все, заперла офис и вышла на улицу.

– Сончик! – раздался негромкий голос.

– Славка, привет.

– Я решил подвезти тебя, погода плохая…

– Что ж, спасибо.

Она без всякой радости уселась в старую, раздолбанную «пятерку», в которой отчего-то всегда пахло псиной, хотя никаких собак Ярослав Игнатьевич не возил. Он обнял и поцеловал Соню. Она ответила на поцелуй, но подумала: «Как скучно».

– Что нового? – спросила Соня.

– Что у меня может быть нового? Все по-старому, вернее, все по-новому, только новости мои старые уже, начались вместе с этой проклятой перестройкой!

– О боже! – простонала Соня.

– Ты же знаешь, я фактически выброшен из жизни…

– Ну так делай же что-нибудь, шевелись, как другие шевелятся. Ты же еще нестарый! – вспылила Соня. – В конце концов, масса людей сменила профессию, попробуй и ты! Я вот тоже не всегда работала в турбизнесе, правда?

– Не сердись, Сончик! Я предлагаю на выходные поехать в Кружилино.

– Да? – без всякой радости проговорила Соня. – Там будет видно.

– Я ужасно соскучился.

– Ты же опять напьешься…

– Ну не буду, не буду, ограничимся пивом.

Я сейчас завою, подумала Соня. Мне его уже совсем не жалко.

– Ну, Сончик, не сердись, нам ведь хорошо вместе. Затопим печку, поболтаем, а потом ляжем рядышком…

– Нет, я не могу! – вдруг резко произнесла она.

– Почему?

– Не могу, и все!

– Но ты же только что сказала – там будет видно.

– Я просто забыла… Нет, Славка, я не поеду, извини.

– Не можешь или не хочешь?

– Не могу.

– А что это за дела такие у тебя в выходные дни?

– Какое это имеет значение?

– Опять с мамочкой куда-нибудь собираешься?

– А если и так?

– Тебе не надоело до сорока лет за мамину юбку держаться?

– А ты мне предлагаешь что-то на выбор?

– Естественно! По-моему, куда нормальнее в сорок лет провести субботу-воскресенье с мужиком, чем с мамой. Да и для здоровья полезнее. А от твоей мамаши только желчь разлиться может.

– Ты совершенно прав, с мужиком провести время совсем неплохо, – она сделала ударение на слове «мужик». – Но это-то мне не светит.

– По-моему, до сих пор ты не жаловалась, – довольно игриво отозвался он.

– По-твоему, мужик – это только вопрос потенции? – скрывая безмерное раздражение, спросила Соня.

– Но это главное, согласись.

– Не для меня!

– Не замечал.

– Значит, теперь, будь добр, прими это к сведению. И еще – останови на минутку.

– Где?

– У метро.

– Зачем?

– Надо!

– Соня, брось эти жидовские штучки.

– Так, приехали! Если ты не остановишь, я выскочу на ходу!

Он тут же притормозил, но схватил ее за руку.

– Ты что, шутки понимать перестала?

– Да! Вообще перестала понимать все, что связано с тобой.

– Ну, Сончик, ты такая сердитая, у тебя что, менструация?

Она только зубами заскрипела:

– Пусти!

– Нет, извини, я тебя отвезу.

– Ладно, отвези.

Соня закрыла глаза и подняла воротник. Ее знобило. Может, я заболеваю? Наверное. Иначе почему я так зверею от него, ведь я его когда-то любила… Только бы мамы дома не было. А то я сойду с ума.

– Ну, успокоилась немножко? – спросил он спустя минут десять. В этот час двигаться по Москве можно лишь с чере-

пашьей скоростью, тем более что Ярослав Игнатьевич всегда умудрялся попадать на самую неудачную полосу. Вот и теперь они стояли в пробке. – Сончик! Ау!

Соня молчала. Он протянул руку и почесал ее за ухом, как котенка. Когда-то эта ласка заставляла ее трепетать, теперь же привела в ярость. Она дернулась и ледяным тоном произнесла:

– Не смей! Не смей прикасаться ко мне!

– Почему это?

– Потому что мне противно.

– Противно? Ты хочешь сказать, что я тебе противен? А ехать со мной не противно?

– Я же хотела выйти.

– Так выходи, я тебя больше не держу.

Но покинуть машину было невозможно. Автомобили стояли так тесно, что нечего было и думать открыть дверцу. Соня заметалась.

– Что, не вырваться? – захохотал он.

– Когда-нибудь пробка рассосется, и меня уже ничто не удержит, а пока наберусь терпения, – прошипела она.

– Живи надеждой! В следующем году в Иерусалиме! Так, кажется? Отпусти народ мой, да?

– Мудак!

– Ай, ай, ай, неужели наша еврейская мамочка позволяет своей детке говорить такие нехорошие слова?

– О тебе? Позволяет! Даже поощряет.

– Ну еще бы, она же меня иначе как мерзавцем не называет!

Соня неимоверным усилием воли заставила себя молчать. Ненавидела грубые хамские перебранки. Да и смешно это, в конце концов… Вот доеду до дому, и все.

Пробка мало-помалу начала таять.

– Ну что, барышня желают своими ножками топать или позволят нашей малости доставить их до дому?

– Нет, – охрипла от омерзения Соня. – Высади меня.

– У метро?

– Неважно! Чем скорее, тем лучше.

– Воля твоя.

Он подъехал к тротуару в самом неудобном месте. Чтобы выбраться, надо ступить в глубокую лужу. Плевать! Соня распахнула дверцу и, ни слова не говоря, вышла. Разумеется, вода залилась в ботинки. Но она даже не почувствовала. Хотела с силой хлопнуть дверцей, но передумала и оставила ее открытой. Так когда-то в юности делал Левка, если ловил машину, а шофер отказывался его везти или заламывал слишком высокую цену.

– Сучара жидовская! – услышала она.

Что ж, все правильно, так мне и надо! Мама в который раз оказалась права. Типичный мерзавец! Очутившись наконец на тротуаре, Соня двинулась к палатке:

– Дайте что-нибудь выпить!

– Выпить или попить? – деловито справился молоденький

продавец.

– Выпить! Лучше из баночки… Но не пива!

– Понял! Джин-тоник или водку с томатным соком?

– Водку!

Она схватила жестяную емкость, сорвала кольцо и единым духом проглотила отвратительное пойло. Но ей сразу стало легче. Она швырнула банку и что было сил поддала ногой. Видела бы ее сейчас Берта Яковлевна! Впрочем, какая-то женщина все-таки очень удивилась: с виду приличная особа, непохожа на алкашку, а ведет себя… Ужас просто!

Соня между тем уже поймала машину и вскоре дрожащими руками отпирала квартиру. Ее мольбы были услышаны. На подзеркальнике в прихожей лежала записка: «Я в Большом. Целую. Мама». Соня тут же ощутила досаду. Лучше бы мама была дома, согрела бы ей ужин, отвлекла бы своими бесконечными разговорами… Но ведь известно, нет в жизни счастья. Она первым делом отправилась в ванную, ей хотелось как можно скорее принять горячий душ, чтобы смыть с себя мерзкий запах псины. Теперь понятно, откуда эта вонь в его машине. Так пахнут антисемиты. Псиной, перегаром, хамством… А собаки тут вовсе ни при чем. Ни одна даже самая шелудивая собака не воняет так гнусно, как этот… Тоже мне любовничек! Нет, маме про это говорить нельзя ни в коем случае, она меня со свету сживет. Подумать только, ведь она всегда твердила: «Поверь, этот мерзавец еще и антисемит. Я это пупком чую». А я-то, идиотка, смеялась над

мамой. Господи, ну почему, почему я не бросила его раньше? Я ведь давно его не люблю… Жалела, дурища проклятая. Вот и получай…

Соня терла кожу жесткой мочалкой с ароматным гелем и, когда в ванной уже было нечем дышать, облилась холодной водой и выскочила, накинув халат. В прихожей надрывался телефон. Наверняка этот гад!

– Алло!

– Сонька, ты дома?

– Алиса, слава богу!

– Что стряслось? – встревожилась Алиса. – Что-то с мамой?

– Нет-нет. Ты где?

– Я тут недалеко, я заеду?

– Алиска, какое счастье! Скорее, давай!

– А мама дома?

– В театре!

– Еду!

Через четверть часа Алиса уже входила в квартиру с букетом умопомрачительных коричневатых тюльпанов.

– Это по какому случаю? – спросила Соня.

– Без всякого случая, просто попалась такая красота. Привет, подруга. Жрать хочу смертельно.

– А выпить?

– Я же за рулем.

– Жалко, – вздохнула Соня, роясь в холодильнике.

– А что, есть повод?

– Угу.

– Ладно, по рюмашке дернем, так и быть. А что произошло? Плохое или хорошее?

– Это как посмотреть…

– Уже интересно. Тебе помочь?

– Нет, что ты.

– Сонь, ты почему все время морду от меня воротишь, а? Ты ревела?

– Ну ревела, и что?

– Ничего. Просто интересно – из-за чего.

– А тебе бы понравилось, если б тебя сучарой жидовской назвали?

– Ну смотря кто… Если пьяный бомж, то мне бы, наверное, было… безразлично.

– А если не бомж?

– А кто? Неужто кто-то из клиентов? – испугалась Алиса.

– Боже сохрани!

– Ясный перец, твой Славик.

– Откуда ты знаешь?

– Догадливая я, Сонечка.

– Слушай, Алиска, ты что, как мама, пупком чуешь в нем антисемита?

– Не знаю, пупком или еще чем, но чую.

– Но ты же не еврейка!

– Ну и что? – удивилась Алиса. – По-твоему, антисемиты

противны только евреям?

– Алиска, почему у меня все так?

– Что – все? – ласково и чуть покровительственно улыбнулась Алиса.

– Ну жизнь… Личная жизнь… Почему мне так не везет?

– А кому везет?

– Бывает же…

– Редко.

– Это да. Но все-таки. Хоть раз в жизни может повезти?

Лицо Алисы исказилось гримасой такой боли, что Соня даже испугалась. Неужели она все еще мучается?

– Раз в жизни обязательно повезет. В сорок лет ничего не кончено еще, Сонька. Вот давай за это и выпьем, а потом ты мне все расскажешь.

Они выпили по рюмке водки, и Соня, захлебываясь слезами, все поведала подруге.

– Говнюк! – определила Алиса. – И слава богу, что ты наконец с ним распрощалась. Я надеюсь, что распрощалась.

– Я его видеть больше не могу. Алиска, может, мне в брачное агентство обратиться, а?

– Не будь дурой, какое брачное агентство?

– Мне сегодня Норка все уши прожужжала.

– Нет, Соня, не для нас это. Да и какие женихи из агентства с твоей мамой? Смешно! Нет, тебе другое нужно… – задумчиво проговорила Алиса, вертя в тонких пальцах хрустальную рюмку.

– А что? Что мне нужно? Родить?

– Родить? Я об этом не думала…

– А о чем ты думала?

– О том, что тебе просто необходимо научиться жить одной.

– Без мужика?

– Без всех. А главное – без мамы. Иначе будет поздно.

– Как – без мамы?

– Сонька, пойми меня правильно. Ты же знаешь, я просто обожаю тетю Берту. Она чистое золото, но ведь тебя она скрутила по рукам и ногам. А то, что она кое-как терпела твоего мозгляка…

– Кого?

– Мозгляка, я всегда его так про себя называла: Сонькин мозгляк. Так вот, закончу мысль – твоя мама его терпела только потому, что она мудрая женщина и понимала: с ним она тебя не потеряет. Ты целиком ему не будешь принадлежать никогда. Так, немножко твоей души и немножко твоего времени. А всех остальных как она всегда гнобила – ты вспомни, вспомни.

– Алиска, ты и вправду так считаешь?

– Конечно. Тетя Берта рано осталась одна, с тобой на руках, а она ведь типичная еврейская мама, для которой ее дитятко – центр мира. Она всю себя отдала тебе, а теперь хочет получить за это сторицей. Только не сочти меня за антисемитку, – усмехнулась Алиса, – просто если уж у нас пошел

такой разговор… Сонь, весь ужас в том, что она на самом деле не дает тебе дышать. И с этим надо что-то делать.

– Но что? – испуганно спросила Соня. Сколько раз уж ей самой приходили в голову подобные мысли, но она отгоняла их.

– Не знаю. Может, для начала разъехаться…

– Как? Разменять квартиру? Она никогда на это не пойдет, скажет, что не для того себе в молодости во всем отказывала и так далее… Что она хочет оставить мне приличную квартиру – словом, сама понимаешь…

– Значит, нужно уехать.

– Уехать? Куда? В Израиль?

– В Израиль, в Америку, в Германию, все равно.

– Она просто поедет со мной.

– Да. Это верно. Тогда… Тогда необходимо найти такую работу, чтобы умотать отсюда хотя бы на год. В какую-нибудь заграничную турфирму, ну сама знаешь… В представительство или как там это у вас называется…

Соня засмеялась.

– Чего ты смеешься?

– Ну, во-первых, на такую работу устроиться безумно сложно, к тому же туда предпочитают брать молодых.

– Да, ситуация… А может, твоя идея лучше?

– Какая идея?

– Родить. Родишь, подкинешь ребенка маме, вот тогда-то уж точно и овцы будут целы, и волки сыты. Только вот от

кого родить? Мужики нынче такие никчемные… И вообще, Сонька, все это херня, все наши планы.

– Почему?

– Потому что жизнь все равно распорядится по-своему, и мало ли что еще может хорошего у нас случиться…

– Или плохого.

– Ну нет, подруга, настраиваться надо только на хорошее, но… реальное, сбыточное, понимаешь?

– Что ж тут непонятного? Если замуж, то уж точно не за принца?

– Ну в общем и целом верно. Сонька, помнишь, как в университете ты рыдала, что тебя не пустили во вшивую Болгарию? А теперь ты уже полмира объездила. Так что есть в нашей жизни и много положительного. Все, закрываем тему и ждем от жизни приятных сюрпризов. И поверь, не мужиком единым жива баба.

– Легко тебе, Алиска, говорить, а как я уеду, как без тебя и без Татки проживу? Ты об этом подумала?

– Сонька, да ты пьяная! Это что, с двух рюмок?

– Нет, я еще на улице выпила.

– Смотри, сопьешься. Кажется, по-еврейски это называется шикса?

– А черт его знает… Давай еще дернем? Да-да, ты за рулем, но можно ведь и у нас переночевать… Давай!

– Нет, Сонечка, ты пей, а я не буду.

– Алиска, вот скажи… Я сегодня заметила… Тебе про

Эрика до сих пор думать больно, да?

– Да. Только обсуждать это я не хочу.

– Все. Не будем.

В этот момент резко зазвонил телефон. Подруги вздрогнули от неожиданности.

– Алло! – не слишком твердо ответила Соня.

– Соня, это я. Прости меня, если можешь.

– Не могу!

– Подожди, не бросай трубку! Я понял… Я все понял, что между нами происходит… Я осознал. Сончик, прошу тебя, выходи за меня замуж! – торжественно произнес Ярослав, упоенный собственным великодушием.

Соня ошарашенно молчала.

– Ты поняла меня, Сончик? Ты согласна, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.